

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ

О различныхъ силахъ и дѣйствіяхъ души въ частности.

Примѣч. Редакции. При обработкѣ этого отдѣла психологін, профессоръ Авсенева, сначала, въ продолженіе нѣсколькихъ академическихъ курсовъ, главною задачею своею поставлялъ выработку возможно полной и систематически-стройной *классификаціи* различныхъ силъ и дѣйствій души человеческой, — при чемъ главнымъ руководителемъ его, и въ этомъ дѣлѣ, былъ Шубертъ, а руководителемъ началомъ служилъ, основывающійся на Шубертовской идеѣ души, *параллелизмъ* душевныхъ силъ и явленій съ тѣлесными органами и ихъ отправлениями. Но въ послѣдствіи времени онъ началъ однакожь болѣе или менѣе ясно сознавать, что классификація душевныхъ силъ, какъ бы она ни была полна и стройна, есть не болѣе, какъ только *предварительное*, сподручное и удобное, логическое средство къ изученію и уразумѣнію душевной жизни нашей, а отнюдь еще не составляетъ ни самаго, дѣйствительнаго, изученія, ни тѣмъ болѣе уразумѣнія ея, — а употребляемое имъ въ дѣлѣ классификаціи душевныхъ явленій, руководительное начало параллелизма, понимаемое во всей строгости и соблюдаемое во всей точности, само по себѣ не только не вводитъ насъ въ дѣйствительное уразумѣніе существенныхъ свойствъ, порядка, условій и законовъ духовной жизни нашей, но болѣею частію увлекаетъ нашъ умъ въ область случайныхъ и обманчивыхъ аналогій, которыя, вмѣсто

дѣйствительнаго свѣта истины, только оболъщаютъ умъ призраками.

А потому, съ сорововыхъ годовъ, не разставаясь впрочемъ совершенно съ любимыми имъ Шубертовскими идеями и пріемами, началъ, мало-по-малу, но съ каждымъ новымъ курсомъ все глубже и глубже, вмѣсто прежнихъ идеальныхъ построеній духовнаго организма силъ и способностей души, входить въ непосредственное наблюденіе и изслѣдованіе самыхъ явленій духовной жизни нашей, и изучать ихъ свойство и законы ихъ наблюденія надъ ними самими, путемъ *анализа*. Но какъ далеко онъ ушелъ на этомъ новомъ и болѣе, конечно, плодотворномъ пути, какъ шель, кѣмъ и чѣмъ руководствовался, и до чего дошелъ,—объ этомъ мы не можемъ сказать ничего рѣшительнаго. Нѣкоторое, приблизительное понятіе о методѣ, характерѣ и направленіи его чтеній—по этому отдѣлу психологіи, въ послѣдніе годы его педагогической дѣятельности, можно составить впрочемъ на основаніи его же собственныхъ словъ, писанныхъ въ 1849 г. И именно, составя въ это время, по порученію академической Конференціи, программу психологіи для университетовъ, и указывая въ ней различныя ученія и учебныя руководства и пособія, коими можно и должно пользоваться при разработкѣ и изученіи различныхъ отдѣловъ психологіи, относительно руководства по настоящему отдѣлу психологіи, онъ писалъ между прочимъ слѣдующее: «Въ ученія о познавательныхъ способностяхъ души, вообще надобно держаться возвышенныхъ понятій *Шуберта*, а подробный анализъ ихъ заимствовать у *Фриза*, въ его *Kritik der Menschlichen Vernunft*. Частнѣйшимъ пособіемъ могутъ служить: въ ученіи о чувствахъ и наблюденіи, Карусъ, Бурдахъ и Аристотель; о памяти, воображеніи и сознаніи—Бенеке, въ его *Neue Psychologie*; о разсудкѣ—Аристотель, Кантъ и Фишеръ (Базельскій); о самосознаніи, Платонъ въ *Алгиивадѣ* 2-мъ

и Карусъ; *объ умъ*, Платонъ и Исаакъ Сиринъ. — Въ ученіи о *сердцѣ и частныхъ способностяхъ чувствованія* внутренняго можно удовлетвориться: кореннымъ понятіемъ *Фишера* Базельскаго или *Новицкаго*, частнымъ разборомъ *Галлича*, и общимъ взглядомъ на жизнь сердца *Шуберта*. Въ ученіи о *воли и способностяхъ дѣйствованія*: а) Фишеръ или Новицкій можетъ служить вѣрнымъ руководствомъ въ статьяхъ о свободѣ, природномъ расположеніи и характерѣ; — однако б) понятіе о побужденіяхъ человѣческой души порознь и ихъ относительномъ подчиненіи одного другому и въ слѣдствіе того о коренномъ и всецѣломъ стремленіи человѣческой души надобно заимствовать у другихъ. И въ семъ случаѣ надобно остерегаться вообще протестантскихъ философовъ: ибо они, по духу своего исповѣданія вѣры, религиозное стремленіе, благочестіе признають не цѣлюю, а только средствомъ одушевленія и освященія земныхъ отношеній общественной жизни. Посему здѣсь надобно обратиться къ Шуберту, Эшенмайеру, Гейнроту...

Въ составленномъ имъ психологическомъ Сборникѣ есть нѣсколько статей, относящихся и къ этому отдѣлу психологіи, напр. обзорѣніе познательныхъ способностей, о чувствованіи, какъ питаніи души, о совѣсти (напечатанной когда то въ Воскресномъ Читаніи), о свободѣ воли...

Но писанія въ разныя времена, по различнымъ началамъ и приѣмамъ, небогаты своимъ содержаніемъ и не совсѣмъ обработанныя (исключая статьи о совѣсти) въ литературномъ отношеніи, онѣ вовсе не таковы, чтобы читатель могъ составить по нимъ вѣрное понятіе о содержаніи и характерѣ лекцій проф. Авсенева, по этому отдѣлу психологіи, за послѣднее время. Только статья — о познательныхъ способностяхъ — начатая имъ, кажется, въ 1845—46 академич. учебномъ году, судя по началу ея, обѣщала выдти довольно зрѣлымъ и само-

стоятельнымъ произведеніемъ его Но, къ сожалѣнію, она и въ половинѣ не окончена...

Поэтому мы и не предлагаемъ изъ этого отдѣла психологіи ни одной статьи проф. Авсенева, а вмѣсто статей считаемъ за лучшее предложить здѣсь вниманію читателя найденное нами въ его Сборникѣ *«схематическое изображеніе чловѣка, представленнаго въ коренныхъ силахъ и основныхъ формахъ его душевной жизни порознь»*, — составленное имъ, по всей вѣроятности, въ 1839 г., и служащее нагляднымъ изображеніемъ результатовъ, выработанныхъ имъ, по этому отдѣлу психологіи, въ первую половину его педагогической дѣятельности. Вотъ оно: (Смотр. таблицы № 1, № 2 и № 3).

~~Сборникъ~~

ПСИХОЛОГІЯ

часть вторая.

Исторія души ⁴⁾

Предметъ, научное значеніе, раздѣленіе и планъ исторіи души.

1) *Предметъ исторіи души.* Вторая часть психологіи— исторія души—разсматриваетъ важнѣйшія *видоизмѣненія* и состоянія души человеческой, испытываемыя ею въ теченіи земной жизни, подъ *вліяніемъ тѣла*.

⁴⁾ *Примеч. Редакт.* Въ мысли проф. Авсенева эта часть психологіи занимала едва ли не первенствующее положеніе. Съ изслѣдованіями о многообразныхъ, какъ обыкновенныхъ и постоянныхъ, такъ особенно необыкновенныхъ, болѣзненныхъ, видоизмѣненіяхъ души человеческой, подъ вліяніемъ тѣла, въ умѣ его соединялись величайшіе интересы науки и вѣры. Ему казалось, что въ этихъ то состояніяхъ души, гдѣ со всею силою обнаруживается ограничивающее, а не рѣдко и совсѣмъ подавляющее вліяніе на душу тѣлесной ея организаціи, напротивъ, самымъ развѣтлымъ образомъ и въ болѣе яркомъ свѣтѣ открывается ея истинное, духовное и богоподобное существо,—что въ изслѣдованіяхъ о нихъ находится ключъ къ уразумѣнію важнѣйшихъ истинъ философіи, нравственности и религіи. Поэтому на обработку этой части психологіи онъ употребилъ большую часть лучшихъ своихъ умственныхъ силъ. Оправдалась ли и въ какой мѣрѣ учеными изслѣдованіями его о предметахъ, входящихъ въ эту часть психологіи, тѣ великія надежды, какія онъ возлагалъ на нихъ? Мы не намѣрены здѣсь входить въ разсмотрѣніе этого вопроса; несомнѣнно впрочемъ то, что въ этихъ изслѣдованіяхъ и размышленіяхъ ему приходилось, какъ онъ

2) *Значеніе въ наукѣ.* Это новое изслѣдованіе о душѣ, состоя въ тѣсной связи и соотношеніи съ изслѣдованіями о душѣ, составляющими содержаніе первой части психологін, служить для нихъ существенно важнымъ дополненіемъ, проливаетъ новый свѣтъ на природу души человѣческой, а съ тѣмъ вмѣстѣ пролагаетъ для ума и сердца нашего нѣкоторые новые, особенные пути къ проясненію и утвержденію въ себѣ важнѣйшихъ истинъ философін, нравственности и религіи.

Тѣсная связь и внутреннее соотношеніе этой—второй—части психологін съ первою очевидны сами собою. Психологія вообще есть наука о душѣ человѣческой. Но душа наша представляетъ нашему изслѣдованію двѣ стороны: а) она есть *одно*, какое бы то ни было, *существо*, имѣетъ одну *неизмѣнную*

самъ выражается въ одномъ мѣстѣ составленной имъ программы психологін для университетовъ, «вступитъ въ постоянную и рѣшительную борьбу съ безчисленными сомнѣніями, недоумѣніями и возраженіями со стороны многочисленныхъ враговъ истины духа (натуралистовъ, матеріалистовъ и рационалистовъ)», — и что, въ концѣ концовъ, ему удалось, по крайней мѣрѣ въ себѣ самомъ и для себя самого, разсѣять всю эту мглу сомнѣній, недоумѣній и возраженій, такъ тяжело ложащуюся на душу при первомъ размышленіи о многообразныхъ видоизмѣненіяхъ нашей души подъ вліяніемъ тѣла.—Это-то свѣтлое, торжествующее свою побѣду надъ сомнѣніями, чувство вѣры въ истину и силу духа, вынесенное имъ изъ многолѣтнихъ и многорудныхъ размышленій, одушевляя и пронизывая собою всѣ его классическія чтенія по исторіи души, главнымъ образомъ и сообщало имъ, по нашему мнѣнію, ту силу живой дѣятельности, какой они, при всемъ своемъ глубокомысліи и учености, едва ли бы могли имѣть на умъ и чувство его слушателей—въ Академіи и Университетѣ. Какъ бы то ни было впрочемъ,—мы не входимъ въ оцѣнку самихъ понятій его о предметахъ этой части,—по вѣрно то, что классическія чтенія его по исторіи души, при многихъ ученыхъ и литературныхъ достоинствахъ ихъ, проникнуты были какимъ-то особеннымъ воодушевленіемъ чувства и возбуждали живой и глубокой интересъ въ слушателяхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были просто увлекательны.... Есть преданіе, что ректоръ Кіев. Академіи Инокентій, узнавши объ увлекательности лекцій проф. Авсенева, нѣсколько разъ посѣждалъ ихъ, и всякій разъ, по окончаніи лекцій, выражалъ профессору, предъ студентами Академіи, свою благодарность,—а

сущность, кою отличаетъ отъ всего иного, что не она. Въ этомъ отношеніи она является *организмомъ* извѣстныхъ духовныхъ силъ, соединяющихся въ самосознаніи и одушевленныхъ свободою, — и рассматривается въ первой части психологіи. Но б) опытъ показываетъ, что этотъ духовный организмъ души, оставаясь въ *сущестѣ* своемъ и сущности однимъ и тѣмъ же, въ то же время, въ жизненныхъ *проявленіяхъ* своихъ, непрестанно измѣняется: то бываетъ развитымъ въ зародышѣ, то развивается въ возрастахъ, то представляетъ перевѣсъ либо той, либо другой стороны своей — въ полахъ, темпераментахъ; то является преимущественно дѣятельнымъ — въ бодрствованіи — или страдающимъ — во снѣ; то разстроивается и угнетается какою либо болѣзнію — въ сумасшествіи, то, по видимому, возвы-

когда Авсенева, по его предложенію, составилъ краткій письменный очеркъ своихъ лекцій и представлялъ его Иннокентію, то онъ, прочитавши его «исторію души» выразилъ ему за нее торжественную благодарность въ акад. Правленіи, въ присутствіи наставниковъ Академіи. Есть впрочемъ и другое, дополняющее истину предыдущаго и довольно характеристичное, преданіе, говорящее, что, выслушавши одну изъ самыхъ блестящихъ лекцій, по исторіи души, Авсенева, Иннокентій по окончаніи лекцій, попросивши его къ себѣ въ кабинетъ, сдѣлалъ ему такой строгій выговоръ за не совсѣмъ обдуманное и неосмотрительное увлеченіе нѣкоторыми высшними идеями, что доведенный имъ до слезъ Авсенева, на другой день, явился къ нему съ прошеніемъ объ увольненіи за *неспособностію*; но успокоенный одобряющимъ словомъ начальника, съ радостію остался при Академіи, чтобы снова еще съ большею ревностію, но уже съ большею осмотрительностію, продолжать изученіе и преподаваніе любимой своей науки. И изъ письменныхъ произведеній проф. Авсенева, по психологіи, наибольшая и наилучшая часть относится къ «исторіи души». Кромѣ «исторіи души», составленной имъ первоначально въ 1838 году (по Шуберту), и потомъ въ 1840 г. значительно исправленной и переделанной, въ разное время написано было имъ нѣсколько отдѣльных, болѣе или менѣе самостоятельныхъ статей, относящихся къ этой части психологіи, изъ коихъ нѣкоторыя заслуживаютъ полнаго вниманія... Въ «Сборникѣ» его статей по психологіи, кромѣ предлагаемыхъ, находится еще нѣсколько статей, довольно замѣчательныхъ (напр. «о основаніи, магніи и волшебствѣ», о змѣческихъ оракулахъ, символика природы и пр.), помѣщеніе коихъ въ настоящемъ Сборникѣ признано однакожь неудобнымъ...»

шается въ своей жизнедѣтельности, преобразуясь какъ будто въ какой то высшій родъ бытія—въ состояніяхъ экстазическихъ, въ магнетическомъ снѣ и пр. Всѣ эти видоизмѣненія души могутъ и должны быть предметомъ особыхъ изслѣдованій, и стало быть—должны составить особую, отличную отъ первой, часть психологіи, а именно—вторую, потому что при изученіи этихъ видоизмѣненій душевнаго организма уже должно быть предположено знаніе самаго организма.

Впрочемъ, если бы эти видоизмѣненія души человѣческой, подъ вліяніями тѣла, были нѣчто совершенно случайное, не имѣющее никакого существеннаго отношенія къ ея природѣ и значенія въ ея жизни, то и наука о нихъ не имѣла бы, конечно, никакой *существенной* связи съ наукою о природѣ души и не имѣла бы для нея никакого существенно-важнаго значенія. Но не такъ однакожъ на самомъ дѣлѣ: всѣ эти многообразныя и многообразныя видоизмѣненія души человѣческой, испытываемыя ею въ теченіе земной жизни, происходятъ изъ самой природы души нашей и потому имѣютъ существенное значеніе въ ея земной жизни,—а именно:

Весь міръ вообще, въ сущности своей, есть не иное что, какъ идея, т. е. мысль Божія, которая всемогущимъ глаголомъ Творческимъ бывъ поставлена, такъ сказать, внѣ Бога, чрезъ безконечно-различныя формы бытія стремится содѣлать себя тѣмъ, чѣмъ представляетъ ее умъ Божественный. Каждое существо въ мірѣ есть, такъ сказать, частная идея, которая будучи въ началѣ конечною, чрезъ безконечно—многія формы бытія, стремится поставить себя тѣмъ, чѣмъ мыслить ее умъ Безконечный. Тоже должно сказать въ особенности и о существѣ души человѣческой. И душа наша, въ сущности своей, есть идея или мысль Божія, живая сила, которая, будучи конечною, носитъ въ себѣ однакожъ сѣмя вѣчной жизни и чрезъ разныя формы бытія будетъ вѣчно стремиться къ вѣчной дѣлѣ своей.

Такъ какъ идея, какъ мысль Божія, сама въ себѣ безконечна, то она не можетъ выразиться вполнѣ ни въ какой опредѣленной формѣ бытія, и потому цѣлую вѣчность должна перемѣнять ихъ. Почему справедливо говоритъ Гегель: «идея существа есть процессъ, т. е. рядъ формъ, кои она мѣняетъ одна на другую».

Земная жизнь души нашей есть первая, основная и потому для всей вѣчности рѣшительная форма бытія. И въ этой формѣ можно различать: а) идею, поколику она въ ней раскрывается, и б) тѣ частнѣйшіе виды и перемѣны, въ коихъ она открывается. И вотъ различныя видоизмѣненія и состоянія, испытываемыя душою нашею въ теченіе жизни, подъ вліяніемъ тѣла, и суть тѣ частнѣйшія формы, въ коихъ болѣе или менѣе, необходимо или случайно, открывается самое существо души.

Такъ какъ въ различныхъ формахъ и состояніяхъ души открывается самое же существо души или идея ея: то явно, что рядъ формъ, въ коихъ оно открывается въ теченіе земной жизни, если совокупять ихъ вмѣстѣ, долженъ равняться самому существу души; въ немъ раскрывается порознь и отрывочно то, что вдругъ и въ цѣлости заключается въ послѣднемъ. Въ такомъ случаѣ вторая часть психологіи должна быть отпечаткомъ первой части; по крайней мѣрѣ внутренняя и существенная связь этихъ частей отсюда сами собою очевидны.

Но если въ различныхъ видоизмѣненіяхъ и состояніяхъ души, составляющихъ предметъ изслѣдованій второй части психологіи, открывается самое существо души, которое разсматривается въ первой части психологіи, то къ чему еще особенное ихъ изслѣдованіе? Отвѣчаемъ: нарочитое изслѣдованіе этихъ состояній: а) существенно нужно и для образованія *полнѣйшаго* и яснѣйшаго понятія о самомъ существѣ души человеческой; и стало быть, для самой науки о душѣ — психоло-

гін; но оно не для одной психології, а б) и для философіи вообще, и даже для религій и нравственности, потому что содержать въ себѣ ключъ къ разрѣшенію многихъ, важнѣйшихъ вопросовъ религій, философіи и нравственности.

а) Оно существенно нужно для самой психології. Мы сказали, что въ различныхъ видоизмѣненіяхъ души, составляющихъ предметъ второй части психології отрывается тоже самое существо души, которое разсматривается и въ первой части. Но первую частію психології еще далеко не исчерпывается природа нашей души, именно потому, что она разсматриваетъ и изображаетъ душу, какъ цѣльный, стройный организмъ духовныхъ силъ; а въ организмѣ вообще, и духовномъ въ особенности, различныя силы, его составляющія, ограничивая одна другую, тѣмъ самымъ скрываютъ себя одна за другою и внутренность свою дѣлаютъ непроницаемою (отъ того-то въ жизни души человѣческой нерѣдко совершаются такія явленія, кои не подходятъ подъ мѣру *этой* психології). Но различныя, болѣе или менѣе глубокія переменны, испытываемыя душою нашею въ теченіе жизни, болѣе или менѣе глубоко видоизмѣняя и разстраивая въ ней сомкнутый организмъ силъ, тѣмъ самымъ отрываютъ въ немъ какъ бы нѣкія отверстія, чрезъ кои мы удобнѣе можемъ проникать въ ея внутренность, слѣдить за ея дѣятельностью и предѣлы ея силъ порознь, разсматривать условія ея жизни, и такимъ образомъ постигать ея временную, а отчасти предугадывать и вѣчную ея природу. Посему отъ разсмотрѣнія этихъ жизненныхъ видоизмѣненій души можно ожидать новыхъ свѣденій о существѣ души. Представимъ, для поясненія нашей мысли, нѣсколько примѣровъ. Психологія, основывающаяся на самосознаніи, говоритъ, что душа наша не можетъ непосредственно созерцать отдаленнаго и будущаго, проникать во внутреннее состояніе другихъ душъ, ясно видѣть глубину и собственнаго существа своего. Но вотъ *ясно-*

видящая изумляет насъ предсказаніями, открываетъ предъ нами наши мысли и внутреннія состоянія души и тѣла, предписываетъ самой себѣ врачевство и пр. Это фактъ. Слѣд., въ душѣ нашей есть тѣ способности, кои обыкновенная психологія въ ней отрицаетъ; только онѣ обнаруживаются въ душѣ при особенныхъ, исключительныхъ обстоятельствахъ. Или: обыкновенная, основывающаяся на одномъ самосознаніи, психологія утверждаетъ, что душа сообщается съ вѣшнимъ міромъ только посредствомъ чувствъ и познаетъ вещи только самосознательнымъ разумомъ. Но вотъ *лунатикъ* съ закрытыми глазами бродитъ по кровлѣ безъ малѣйшаго преткновенія, читаетъ, пишетъ, отправляетъ разныя дѣла, безъ всякаго о томъ воспоминанія, по окончаніи припадка;—это тоже фактъ. Слѣд., въ душѣ нашей есть способность сообщаться съ вѣшнимъ міромъ и непосредственно, и знать многое бессознательно. Или еще: психологія, основанная на самосознаніи, говоритъ обыкновенно, что личное сознаніе души единично и тождественно; но нѣкоторые опыты свидѣтельствуютъ, что одинъ и тотъ же человѣкъ, въ теченіе своей жизни, сознаетъ себя однажды тѣмъ, а потомъ другимъ лицомъ, попеременно. Слѣд., тождество земнаго нашего самосознанія не безусловно. Наконецъ, психологія допускаетъ обыкновенно, что всѣ душевныя силы наши и отправленія субстратъ свой имѣютъ въ нервной системѣ; но вотъ случается иногда, что въ минуты смерти, когда всѣ нити этой системы разстраиваются, для души исчезаютъ границы пространства и времени, и она духовными очами созерцаетъ чудеса міра будущаго... Изъ этихъ примѣровъ видно, сколько въ этихъ состояніяхъ души открывается, по видимому, новыхъ способностей въ душѣ нашей, и какъ понятіе наше о существѣ души нашей расширяется и восполняется ими.

Но на что мы говоримъ: новыхъ способностей? Нѣтъ, и

въ этихъ состояніяхъ открываются тѣже способности и силы души, какія входятъ въ составъ обыкновеннаго ея организма, составляющаго ея земную личность, только въ обыкновенномъ состояніи души нѣкоторыя изъ этихъ силъ мало замѣтны, потому что связаны другими силами ея. Напр. насъ удивляетъ способность предвидѣть будущее, которая съ такимъ блескомъ открывается въ ясновидѣніи; но эта способность есть въ душѣ и въ обыкновенномъ ея состояніи и извѣстна у психологовъ подъ названіями: *Vis praesentiendi, divinations-Vermögen* и т. п. Насъ поражаетъ явленіе раздвоенія самосознанія; но и оно свойственно душѣ, въ нѣкоторой степени, и въ состояніи обыкновенномъ. Ибо и мы всё чувствуемъ, что душа наша, какъ и тѣло, видитъ окомъ своимъ одну только сторону существа своего, и что въ ней, кромѣ этой видимой стороны, есть еще другія, куда нисходятъ всё наши мысли, чувства и стремленія, и откуда возникаютъ въ насъ неизъяснимыя нѣкоторыя идеи и стремленія и т. д. Словомъ: всё силы, свойства и способности души, открывающіяся въ необыкновенныхъ ея состояніяхъ, находятся постоянно въ ея организмѣ; но въ необыкновенныхъ состояніяхъ души онѣ дѣйствуютъ гораздо свободнѣе, а потому естественно и открывается яснѣе. Поэтому нисколько не удивительно, а напротивъ весьма естественно, что въ разсмотрѣніи этихъ состояній, глубокомысленный психологъ можетъ найти и дѣйствительно находитъ гораздо разительнѣйшія проявленія самостоятельности души, ея чисто-духовнаго характера, безсмертнаго и богоподобнаго существа, чѣмъ какія сообщаетъ обыкновенная, на одномъ личномъ самосознаніи основанная психологія.

б) Но этого мало. Исслѣдованіе этихъ видоизмѣненій и многообразныхъ состояній *содержитъ въ себѣ ключъ къ уразумѣнію многихъ важнѣйшихъ истинъ философіи, нравственности и религіи.*

Такъ, ученіе *о всеобщемъ образѣ личности человѣческой* подѣ влияніемъ природы и ея жизни, показывая съ одной стороны соотвѣтственность въ образованіи жизни души съ устройствомъ и жизнью вселенной, а съ другой самостоятельность духа подѣ этими влияніями и способность превозмогать ихъ—пролагаетъ путь къ уразумѣнію отношенія физическаго и духовнаго міра вообще. Ученіе *о полахъ*, показывая съ одной стороны тождество образа Божія и нравственнаго назначенія въ обояхъ полахъ, не смотря на различіе ихъ организаціи, а съ другой различіе ихъ по образованію природы, указывающее на различные способы служенія ихъ общему благу человѣчества, способствуетъ установленію правильныхъ отношеній между полами въ жизни семейной, общественной... Ученіе *о темпераментахъ и возрастахъ*, столь необходимое вообще въ дѣлѣ испытанія и исправленія себя и другихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ приложеніе и къ познанію судебъ исторіи человѣческаго рода: темпераменты служатъ основаніемъ раздробленія его на племена и народы, а возрасты суть въ маломъ видѣ выраженіе возрастовъ человѣчества. Ученіе *о силѣ* показываетъ намъ, что въ немъ не теряется попусту, какъ упрекали нѣкогда атеисты промыслъ Божій, третья часть жизни нашей,—что это состояніе души, въ рукахъ промысла Божія, напротивъ служитъ весьма важнымъ орудіемъ нравственнаго воспитанія, средствомъ сообщенія людямъ таинственныхъ внушеній, откровеній... Изъ ученія *о сумасшествіи* мы научаемся съ одной стороны блюсти здравіе души своей, а съ другой *благоговѣть предъ таинственными путями промысла Божія*, въ дѣлѣ нравственнаго исправленія и очищенія душъ нашихъ. Состояніе *магнетическаго ясновидѣнія* подтверждаетъ намъ святость законовъ нравственности и религіи, знакомитъ насъ съ тайнами духовнаго міра и даетъ способъ предугадывать будущую славу души, но совлеченія съ нея грубой оболочки

тѣла. Изъ состоянія *обморока* износимы были не только сказанія христіанъ о чудесахъ загробнаго міра, но и мифологическія сказанія древнихъ о *Стиксѣ, Плутонѣ, Тартарѣ, Елисейскихъ поляхъ* и пр., — которыя отнюдь не бессмыслицы, а символы, имѣющіе свой смысл... Вообще — изслѣдованія о нормальныхъ видоизмѣненіяхъ души подъ вліяніемъ тѣла сообщаютъ важнѣйшіе результаты касательно *дѣятельнаго, вѣдѣннаго, вѣдѣннаго* настоящей, земной жизни; а изслѣдованія необыкновенныхъ состояній души — о природѣ *внутренняго, потаеннаго* человека — *сердца*, который, какъ плодъ въ лонѣ матери, скрывается и зрѣетъ во глубинѣ вѣдѣннаго человека, и котораго развитіе и образованіе для вѣчности должно составлять важнѣйшій предметъ попеченія, а слѣд. и изученія. Здѣсь то сильнѣйшее оружіе *философіи* — противъ *материализма, нравственности* — противъ *эпикуреизма, религіи* — противъ *раціонализма*, — что оправдано уже и опытомъ.

3) *Раздѣленіе и планъ исторіи души.* Въ естественнѣмъ человекѣ сами собою различаются *двѣ стороны его существа*: одна та, на которой утверждается его земная личность, т. е. обыкновенное его самосознаніе и свобода, и которою онъ живетъ преимущественно *для себя самого*; это, *въ тѣлѣ* — *голова*, съ подвластными ей нервами и мышцами, а *въ душѣ* — *разумъ и воля*. Другая та, которою онъ обращенъ болѣе ко *всеобщей жизни*, какъ часть къ своему цѣлому, и гдѣ онъ не зависитъ болѣе отъ себя самого, а страдательно покоряется вѣдѣннымъ вліяніямъ, — это, *въ тѣлѣ* — *система растительныхъ орудій* — *туловище*, а *въ душѣ* — *сердце*. Обѣ эти стороны существа человѣческаго, по своей противоположности, находятся въ такомъ отношеніи между собою, что когда господствуетъ одна, то другая получаетъ подчиненное значеніе. По сему всѣ разсматриваемыя въ исторіи души состоянія относятся или А) преимущественно къ высшей части нашего су-

щества—разумно-свободной, и суть видоизмѣненія земной нашей личности, или Б) нижней части нашего существа—сердцу, и суть страдательныя видоизмѣненія его восприемлемости; или В) къ той и другой сторонѣ вмѣстѣ, поколику представляютъ развитіе человѣческой жизни изъ всеобщей жизни, и обратное движеніе ея къ ней,—и слѣд. суть состоянія смѣшанныя. Такимъ образомъ исторія души раздѣляется на три отдѣленія: I-е отд., о видоизмѣненіяхъ личности чело­вѣка; II-е, о безличныхъ состояніяхъ чело­вѣка; III-е, о состояніи цѣлостнаго развитія чело­вѣка—или цѣлой его жизни. То и другое отдѣленіе исторіи души имѣютъ свои частвѣйшія подраздѣленія. Вотъ полный и подробный планъ «Исторіи души»: ¹⁾.

Отдѣленіе первое.

Видоизмѣненія личности чело­вѣка. Сюда относятся:

- 1) Всеобщія или родовыя видоизмѣненія души:
 - а) Мировая жизнь души,
 - б) Солнечная или лунная,
 - в) Земная.
- 2) Частныя или видовыя ея измѣненія:
 - а) Племенные,
 - б) Народныя,
 - в) Половыя.
- 3) Единичныя или индивидуальныя видоизмѣненія:
 - а) Дарованія, какъ видоизмѣненія разума,
 - б) Темпераменты, какъ видоизмѣненія сердца,
 - в) Характеры, выражающіеся въ званіяхъ, какъ видоизмѣненія воли.

¹⁾ Примѣч. Ред. Предлагаемый здѣсь планъ «Исторіи души» составленъ авторомъ въ 1848 году и передавъ лично покойнымъ профессоромъ пишущему эти строки, при прощаніи, какъ полное выраженіе его послѣдней мысли о предметахъ этой любимой имъ части психологіи.

Отдѣленіе второе.

1) *Безличныя состоянія* человѣческаго существа. Сюда относятся:

1) *Состоянія страждущей личности* человѣческой, происходящія отъ разстройства *головной нервной системы*, — *нервныя болѣзни*.

а) Разстройство въ системѣ орудій *внѣшняго чувствованія*, происходящее или

а) отъ *раздраженія мозга*: лихорадочный бредъ (delirium), воспаление мозга (френезія), бѣшенство родильницъ и проч.; или

б) отъ *подавленія жизнедѣятельности* мозга: головокруженіе, безчувствіе, летаргическій сонъ, апоплексія.

б) Разстройство въ системѣ орудій *движенія*, отрывающееся или

а) независимостію ихъ отъ мозга и потому *неправильною ихъ дѣятельностію*: эпилепсія и Виттова пляска, или

б) *оцѣпённостію* и бездѣйствіемъ оныхъ: катаlepsія.

в) Разстройство въ системѣ *растительныхъ отправленій*, а съ тѣмъ вмѣстѣ и внутренняго ощущенія, отрывающееся:

а) преимущественно *физическими* явленіями и перемѣнами въ женскомъ полѣ: истерика.

б) *духовными* явленіями и перемѣнами, въ мужскомъ полѣ: ипохондрія.

2) *Чисто безличныя состоянія* человѣческаго существа, состоящія въ преобладаніи узловой нервной системы надъ головною, безъ всякой болѣзни тѣлесной. Сюда относятся:

а) господство узловой (растительной) нервной системы самой по себѣ, при бездѣйствіи орудій движенія и внѣшняго чувствованія: сонъ.

б) господство узловой нервной системы съ подчиненіемъ ей орудій движенія, — сонъ съ способностію движенія, *лунатизмъ* или снохожденіе.

в) господство узловой нервной системы съ подчиненіемъ ей орудій движенія и внѣшняго чувствованія,—сонъ съ движеніемъ и чувствованіемъ внѣшнимъ, *сумасшествіе*.

3) *Смѣшанныя лично-безличные* состоянія человѣческаго существа,—*магическая* жизнь души:

а) Непосредственное *слияніе личности* человѣка съ безличною естественною его жизнію въ одномъ лицѣ, происходящее отъ сочувствія головной нервной системы съ узловою растительною. Способность *предчувствій* и *дальночувствій* въ душѣ.

б) *Союзъ обѣихъ* сторонъ человѣческаго существа, личной и безличной, открывающійся *въ раздѣленіи ихъ* по различнымъ недѣлимымъ и основывающійся на полярномъ содержаніи головной и узловой нервной системы: *животный магнетизмъ*, въ которомъ:

а) господство головной нервной системы и личности человѣка является въ магнетизерѣ.

б) господство узловой нервной системы и безличной жизни является въ магнетизируемой особѣ, сомнамбулѣ.

в) Преемственное господство то личной, то безличной естественной стороны жизни, основывающееся на преемственномъ преобладаніи обѣихъ половинъ нервной системы, въ одномъ въ томъ же лицѣ: *состояніе двойственной личности*.

Отдѣленіе третье.

Состоянія полного развитія человѣческаго существа со всѣхъ сторонъ его,—*естественная жизнь* человѣка.

Сюда относятся:

1) Происхожденіе души.

2) Возрасты.

3) Смерть и состояніе души по смерти.

ВИДОИЗМѢНЕНІЯ ЛИЧНОСТИ ЧЕЛОВѢКА.

I. Всеобщій образъ личности человѣческой, опредѣляемый всеобщемою жизнію природы,

Первое естественное качество души есть всеобщій образъ ея, который въ явленіи она принимаетъ чрезъ тѣло отъ того, что живетъ въ кругу этой именно, а не другой природы. Наша планета есть самостоятельный организмъ, одаренный извѣстною жизнію. Этой общей жизни земнаго шара подчинены всякій, живущій на немъ человѣкъ. Отсюда происходятъ общее естественное качество всего человѣческаго рода, приличествующее всѣмъ людямъ, именно потому, что они люди, или *всеобщій естественный образъ личности человѣческой*.

Земля имѣетъ а) свою особенную жизнь; б) какъ одна изъ планетъ солнечной системы, имѣетъ отношеніе къ центру своему—солнцу и спутнику своему—лунѣ, и в) наконецъ, со всею солнечною системою находится подъ вліяніемъ мировой жизни. Почему человѣка, участвующаго въ жизни земли, можно разсматривать съ 3-хъ сторонъ: А., въ кругу жизни мировой, Б., въ кругу жизни солнечной и В., въ кругу жизни планетной.

A. *Участіе челоѵька въ мировой жизни и вліяніе ея на душевную жизнь его.*

Разсматривая землю въ кругу всемірной жизни, можно брать во вниманіе отношенія: 1, пространственныя, 2, временныя и 3, смѣшанныя.

Опредѣлить въ точности какое значеніе имѣеть наша солнечная система въ системѣ цѣлаго міра, и какое именно мѣсто занимаетъ человѣкъ въ царствѣ Божіихъ созданій, разумъ еще не можетъ. Не безъ основанія впрочемъ замѣчаютъ, что земля наша между различными тѣлами солнечной системы, имѣеть, по видимому, какое-то особенное, знаменательное для всего мірозданія, положеніе. По плотности, по величинѣ, по относительному содержанію сухости и влажности, по положенію узловъ своего пути между узлами другихъ планетныхъ путей, по снабженію спутниками и пр., она представляетъ въ себѣ самое средне-пропорціональное, самое равномѣрное смѣшеніе въ ней всѣхъ противоположностей, и въ этомъ отношеніи представляется какъ бы нѣкимъ центромъ міра (какъ и думалъ о ней нѣкогда Птоломей, превращая только центральность ея значенія въ центральность ея положенія). Такое же знаменательное равновѣсіе противоположностей содержится и въ царственномъ обитателѣ земли—человѣкѣ; тѣлесный организмъ человѣка, по равномѣрному сочетанію въ немъ всѣхъ физическихъ противоположностей, можно бы по этому считать самымъ благоприятнымъ органомъ для полного и возможно-всесторонняго развитія духа,—и человѣка, какъ осуществленную гармонию духовнаго и физическаго бытія, самымъ знаменательнымъ въ цѣлой системѣ тварей существомъ, какъ *связь міровъ повсюду сущихъ, какъ средоточіе живущихъ.*

Итакъ, хотя по величинѣ своей земля наша въ безднѣ мірозданія теряется, по видимому какъ капля въ океанѣ; однако и въ этомъ случаѣ, какъ видно, незнатное міра избралъ Богъ, да великое испразднить; на этой малой точкѣ вселенной Онъ помѣстилъ человѣка, по образу Его созданнаго, ради котораго, столь малаго созданія, Онъ благоволилъ воплотиться!!

Если теперь по пространственному положенію своему земля наша и живущій на ней человѣкъ имѣють, по видимому,

столь высокое значеніе въ системѣ міра и населяющихъ его живыхъ тварей, то это центральное значеніе земли и живущаго на ней челоуѣка въ мірѣ должно въ большей или меньшей степени отражаться и въ самомъ ходѣ космическихъ перемѣнъ—во времени,—другими словами: въ міровомъ теченіи небесныхъ перемѣнъ должно быть нѣкоторое соотвѣтствіе съ ходомъ земной жизни, и на землѣ—съ ходомъ жизни челоуѣческой. И дѣйствительно—какъ священная, такъ и мірская исторія замѣчаетъ, что важнѣйшія событія въ жизни челоуѣческаго рода всегда были предваряемы, или сопровождаемы какими либо чрезвычайными знаменіями, какъ будто природа, подобно матери, носящей его въ утробѣ своей, сочувствовала ему въ критическія эпохи его всемірнаго историческаго развитія въ жизнь вѣчную, и совоздыхала ему въ болѣзняхъ рожденія.

Таковыми чрезвычайными явленіями были ознаменованы, какъ говорятъ, потопъ, призваніе Авраама, прішествіе въ міръ Спасителя и Его смерть, а при кончинѣ земнаго вѣка, говоритъ св. Писаніе, звѣзды спадуть съ небесе, солнце померкнетъ, луна не дастъ свѣта своего и всѣ силы небесныя подвинутся.

Тѣ и другія, т. е. пространственныя и временныя міровыя качества нашей земли соединяются въ ея міровомъ движеніи, въ послѣдовательномъ измѣненіи относительнаго ея положенія къ прочимъ тѣламъ небеснымъ. Въ этомъ отношеніи дознано, что а) уголъ, составляемый пресѣченіемъ эллиптики съ экваторомъ, измѣняетъ свойство времянь года и дней, и б) что равноденственная точка постепенно и незамѣтно все болѣе и болѣе подвигается назадъ, отъ чего постепенно и незамѣтно измѣняются сроки оныхъ естественныхъ разностей. Нѣтъ сомнѣнія, что тѣ и другія перемѣны въ этомъ космическомъ движеніи земли въ необъятномъ пространствѣ неба имѣютъ также весьма важное вліяніе на жизнь и судьбу земли и ея

обитателя—человѣка; но какое именно, это опредѣлить пока еще невозможно.

Б. Участіе человека въ жизни солнечной системы и вліяніе ея на душевную жизнь его вмѣстѣ съ землею.

Въ жизнь солнечной системы земля наша, какъ членъ ея, входитъ двухъ-стороннимъ своимъ отношеніемъ: къ солнцу и къ лунѣ.

Солнце и луна имѣютъ, какъ кажется, противоположное отношеніе къ землѣ, ибо дѣйствуютъ на нее, обыкновенно, раздѣльно и преемственно; а если и соединяютъ когда свое дѣйствіе на нее, то при этомъ всегда одно изъ сихъ свѣтилъ превосходитъ и связываетъ своимъ вліяніемъ дѣйствіе другаго. Такимъ образомъ—днемъ земля подвергается вліянію солнца, ночью—вліянію луны. Лѣтомъ, когда солнце бываетъ въ сѣверной сторонѣ эклиптики, луна находится въ южной, а зимою, когда солнце бываетъ въ южной половинѣ, тогда луна находится въ сѣверной. Въ полярныхъ странахъ, гдѣ лѣтомъ солнце не заходитъ цѣлый мѣсяцъ и болѣе, луна остается зимою на горизонтѣ нѣсколько дней въ полнолунномъ ея фазисѣ. Слѣд., совершенно по смыслу знаменательнаго изреченія книги Бытія ¹⁾, солнце владычествуетъ днемъ, лѣтомъ, въ странахъ полуденныхъ, луна—ночью, зимою, въ странахъ полвочныхъ. Но въ первыхъ случаяхъ земля, какъ страждущее тѣло, подчиняется дѣйствію солнца, какъ своего центра, и живетъ какъ бы его живанію, а въ послѣднихъ—она становится самостоятельною, живетъ своею собственною планетною жизнью, и какъ связанное съ луною и однокачественное съ нею тѣло, принимаетъ

¹⁾ Сотвори Богъ два свѣтила великія: свѣтило большее въ начало дня (съ евр.,—которое бы господствовало днемъ) и свѣтило меньшее въ начало ночи (которое бы господствовало ночью).

отъ ней соразмѣрное и сообразное дѣйствіе. Слѣдовательно всѣ отправленія ея свышепланетной жизни опредѣляются вліяніемъ солнца, а отправленія собственно планетной жизни ея состоятъ подъ вліяніемъ луны. Какія же отправленія суть свышепланетныя и какія—планетныя? Первыя суть тѣ, въ коихъ открывається преимущественно *жизнедѣятельность* (или дѣятельность отношенія) существъ, какъ-то въ неорганическомъ царствѣ—разрѣшеніе и расширеніе стихій; въ растеніяхъ—возрастаніе и процвѣтаніе; въ животныхъ—бдѣніе и бодрственная дѣятельность. Вторыя тѣ, коими производится *внутреннее образованіе*, организація земныхъ существъ, какъ-то: въ неорганическомъ царствѣ—сгущеніе и притягиваніе; въ растеніяхъ—составленіе соковъ и питаніе; въ животныхъ—соизъ, плототвореніе и родотвореніе. Посему органы первыхъ отправленій состоятъ въ соотношеніи съ солнцемъ, находятся подъ его вліяніемъ, какъ-то: въ организмѣ планеты—атмосфера; въ растеніи—цвѣтъ и листья; въ животномъ—голова и верхняя часть нервной системы. Напротивъ, органы растительныхъ отправленій находятся во внутренней связи съ луною, опредѣляются ея вліяніемъ, какъ-то: въ планетѣ—земля и воды, особенно морскія; въ растеніи—корень и соки, въ животномъ—желудокъ, система узловыхъ нервовъ ¹⁾. И въ человѣкѣ жизнь

¹⁾ Что атмосфера, цвѣтъ и листья, голова и нервы состоятъ въ непосредственной связи съ солнцемъ, это очевидно. Но и зависимость водъ морскихъ, соковъ и корней растеній, желудка и брюшныхъ нервовъ въ животномъ—отъ луны подтверждается также многими опытами.—Приливы и отливы морей зависятъ, какъ извѣстно, отъ луны. Въ странахъ тропическихъ во время полнолунія не рубятъ деревья для строеній, потому что въ это время соки древесныя приходятъ въ броженіе, и деревья скоро загниваютъ (Martin Geschichte der Britischen Colonien). Въ *Домбарри* (въ Англ. Гвіанѣ въ южной Америкѣ) ежегодно бываетъ 13 весенъ и 13 осеней, потому что столько именно разъ соки поднимаются въ вѣтви, и опять возвращаются къ корню. Чтѣ въ деревьяхъ соки, тѣ въ животномъ кровь, съ ея образовательнымъ отправленіемъ. Поэтому и обраще-

разумная—головная раскрывается преимущественно днем, при свѣтѣ солнца, а жизнь сердечная и желудочная—преимущественно ночью, при свѣтѣ луны ¹⁾. Посему во всѣхъ языческихъ религіяхъ солнце и луна обоготворяемы были—первое, какъ начало дѣятельности, подъ именемъ бога—мужа, а вторая, какъ начало образованія, подъ видомъ богини—женщины ²⁾.

Жизнь нашей планеты есть постоянное, дневное или годичное, колебаніе между соотношеніемъ съ солнцемъ в соотно-

ніе крови, зачатіе и развитіе плода у животныхъ, опредѣляется теченіемъ луны и его приемомъ, и именно—числомъ 7, 2×7 , 3×7 и т. д. И у человѣка растительная жизнь состоитъ въ связи съ луною. Франкъ (J. Franc. prag. medic. pag. 241) жаловался, что онъ предъ наступленіемъ новолунія всегда чувствовалъ лихорадочное возбужденіе отъ безпокойныхъ въ это время глистовъ (вѣроятно отъ упадка жизни и въ слѣдствіе стѣсненія въ это время дѣйствія луны силою солнца). Замѣчено, что и сумасшедшіе особенно дѣлаются безпокойными (по той же причинѣ) въ новолуніе. Ходъ многихъ болѣзней также опредѣляется числомъ 7. Лунатики также любятъ ходить при свѣтѣ луны. Всѣ эти дѣйствія луны, конечно, нельзя изъяснить изъ одной силы притяженія, какъ изъясняютъ приливъ и отливъ, которые впрочемъ сами составляютъ одно изъ отправленій, и можетъ быть главныхъ, въ образовательномъ процессѣ земнаго организма.

¹⁾ На это дѣйствіе луннаго свѣта намекаетъ Шекспиръ, когда въ Гамлетѣ совѣтуетъ Полонію не увольнять дѣтей въ ночныя прогулки.

²⁾ По астрономіи китайской, теченіе луны опредѣляетъ сокровенныя (ночныя) положенія земли къ свѣтллант. См. *Gaußi, Astronomie chinoise*. По астрономіи индійской, луна содержитъ въ себѣ воду жизненную, изъ коей влага, дождь и плодородіе; она царица растительнаго царства (*Ourneghat T. II. p. 251*) и имѣетъ существенное сродство и связь съ сердцемъ человѣка (*Ourneg. p. 45 и 52*). По астрономіи египетской, человѣкъ въ младецкомъ возрастѣ находится подъ вліяніемъ луны, потому что онъ тогда живетъ растительною жизнью, а луна содержитъ въ себѣ начало всѣхъ питательныхъ сѣмянъ, въ которыхъ онъ тогда имѣетъ нужду. *Creuzer, Religions de l'Antiquite, Tom. I. hist. III. Relig. de l'Égypte p. 455, Paris, 1825*. По астрономіи персидской, луна хранитъ сѣмена всей органической жизни, даетъ ростъ растениямъ, плодородіе животнымъ. *Heuker, Zendavesta, Band II, S. 110 и 111.*

пеніемъ съ луною. Это колебаніе не можетъ не отражаться и на человѣкѣ, на его душевномъ расположеніи и занятіяхъ.

Вліяніе на душу юдовыхъ перемль.

Кругъ времени года состоитъ въ постепенномъ увеличеніи и уменьшеніи свѣта и теплоты на обоихъ полушаріяхъ земли, отъ преемственного преобладанія надъ землею противоположныхъ силъ: расширительной силы солнца и образовательной силы луны.

Четыре главныхъ момента въ этомъ измѣненіи количественнаго содержанія противоположныхъ силъ даютъ 4 времени года. Поелику борьба тѣхъ же противоположныхъ силъ совершается и въ человѣкѣ, и при томъ состоитъ въ связи съ борьбою ихъ во вселенной; то каждое время года производитъ соотвѣтствующую себѣ настроенность въ душѣ. Лѣто усиливаетъ жизнедѣятельность во всемъ мірѣ, а ея возбуждаетъ и возвышаетъ жизнедѣятельность и въ нашемъ тѣлѣ. Соотвѣтственно тому и душа лѣтомъ дѣйствуетъ легче и свободнѣе, раскрывается изнутри себя во внѣшность, болѣе возбуждается предметнымъ міромъ, развертываетъ творческія и производительныя способности, кратко: живетъ болѣе внѣ себя. Зима связываетъ жизнь земную; а вмѣстѣ съ нею и жизнь нашего организма предоставляетъ болѣе себѣ самой. Сообразно тому и душа въ зимнее время болѣе отрѣшается отъ внѣшняго міра, сосредоточивается внутрь себя, и усваиваетъ себѣ плоды собственной или чуждой дѣятельности духа, становится нечувствительнѣе къ внѣшнимъ возбужденіямъ, менѣе производитъ, а болѣе судить и обдумываетъ, бываетъ трезвѣе и серьезнѣе, — словомъ: живетъ болѣе въ себѣ. Весна разрѣшаетъ оковы зимняго опѣненія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и оковы холоднаго эгоизма: это время обращенія отъ себя къ всеобщему, время по-

канія. Осень — время разочарованія, возвращенія отвѣтъ въ себя, приготовленія къ внутренней жизни. Такой характеръ 4-хъ времени года подалъ поводъ богомудрымъ Отцамъ Церкви въ периодическомъ чередованіи ихъ видѣть отраженіе полнаго церковнаго года духовной жизни христіанина, и привести въ связь главныя эпохи послѣдняго съ главными эпохами перваго. Такъ, наприимѣръ, пришествіе къ намъ духовнаго нашего солнца — Господа Иисуса Христа, послѣ тысячелѣтней зимы язычества, т. е. рождество Христово, совпадаетъ, по исправленному календарю, съ поворотомъ солнца съ зимы на лѣто. Съ послѣдующимъ за тѣмъ постепеннымъ возрастаніемъ на землѣ вещественнаго свѣта тихо возрастаетъ и въ Церкви Божіей на землѣ свѣтъ духовный — въ праздники Обрѣзанія, Богоявленія, Срѣтенія; а въ эпоху равноденствія, когда день и ночь, такъ сказать, оспариваютъ другъ у друга господство надъ землею, и Церковь воспоминаетъ крайнее напряженіе силъ темнаго царства противъ силы свѣта — въ возведеніи Господа на крестъ, и свѣтлое Христово торжество надъ царствомъ тьмы — въ Воскресеніи. Затѣмъ, съ непрерывнымъ увеличеніемъ на землѣ дней, свѣта и теплоты, до 10-го іюня, распространяется и возрастаетъ непрестанно и въ Церкви свѣтъ духовный, отъ воскресенія Христова возсіявшій, въ праздники — Преполовенія, Вознесенія и Сошествія Св. Духа. — Самое благодатное царство Христово въ св. Писаніи называется *лѣтомъ Господнимъ пріятнымъ*.

Вліяніе на душу перемѣлъ суточныхъ.

День (сутки) для каждаго мѣста есть временный годъ въ сокращеніи. Четыре времени дня: утро, полдень, вечеръ и ночь суть тѣже — весна, лѣто, осень и зима; почему подобныя же дѣйствія производятъ перемѣны его и на душу. Утро пробуждаетъ умъ къ внѣшней дѣятельности, настраиваетъ его къ со-

зерцанію міра и его красоть, сообщает ему особенную зоркость и бодрость; полдень воссламеняетъ къ дѣятельности, призываетъ къ вѣдшимъ сношеніямъ, къ удовольствіямъ общенія; вечеръ умираетъ, возвращаетъ челоуѣка въ себя и располагаетъ къ внутреннему сердечному собесѣдованію съ собою или другими; наконецъ, ночь отвлекаетъ совершенно душу отъ здѣшной жизни и обращаетъ ее за предѣлы настоящаго, въ вѣчность. Утро выражаетъ *чаяніе, упованіе*; полдень—*исполненіе, удовлетвореніе*; вечеръ—*разлуку, сѣтованіе*; полночь—*томленіе, уныніе*.

Съ богодуховенною мудростію св. Церковь постигла это значеніе 4-хъ отдѣловъ сутокъ, и приспособила къ нему 4 главныя части Богослуженія.

По смыслу вечерни, вечеръ есть образъ заката—свѣтлаго, но краткаго дня первосозданнаго міра, и паденія челоуѣка во тьму грѣховную, просвѣщаемую впрочемъ отчасти зарею обѣтованія обѣ Искупителѣ. По смыслу (вседневноѣ) полунощницы, полночь образуесть собою томительное состояніе души въ глубокомъ грѣховномъ удаленіи ея отъ Бога. По смыслу утрени, утро есть символъ, представляющій постепенное разрѣшеніе ветхозавѣтнаго мрака сѣней и образовъ въ новозавѣтныи свѣтъ благодатныхъ даровъ и событій. Литургія, вмѣстѣ съ часами, научаетъ насъ въ часы дня—отъ 1 до 3 и до вечерни—воспоминать свѣтлое и славное совершеніе нашего спасенія чрезъ страданія Господа, и приглашаетъ всѣхъ учениковъ Христоуыхъ къ братскому приобщенію Его торжественной вечераи.

В. Учасіе челоуѣка въ планетной жизни.

Земля и вліяніе ея на челоуѣка.

Земля, во многихъ отношеніяхъ, есть какъ бы мать наша:

1) она даетъ бытіе нашему тѣлу, потому что оно изъ ея сти-

хій слагается, и ими же чрезъ питаніе поддерживается; 2) она *воспитываетъ* нѣкоторымъ образомъ и нашъ духъ; ибо, отпечатывая на немъ многообразные образы своихъ произведеній—царства неорганическаго, растительнаго и животнаго, она даетъ ему въ этихъ произведеніяхъ, ихъ формахъ, порядкахъ и соотношеніяхъ формы—для развитія идей, составляющихъ существенное его содержаніе, и слѣд. средство для образованія; наконецъ 3), она *имѣетъ надъ нимъ и своего рода власть*, которою отчасти опредѣляетъ образъ его жизни и дѣятельности.

1) Стихія и вещества земныя, хотя они собственно входятъ въ составъ одного тѣла, однако же оказываются безразличными и для души, и—хотя и чрезъ тѣло—дѣйствуютъ многообразно и на нее.

а) *Вліяніе на душу земныхъ стихій.* Древніе принимали 4 начала природы: землю, воду, воздухъ и огонь, и въ этомъ мѣнѣніи есть глубокая истина, не смотря на противорѣчія ей новой химіи. Каждая изъ сихъ стихій имѣетъ свой характеръ, свой, такъ сказать, *духъ*, и потому, входя въ составъ тѣла человѣческаго, сообщаетъ сей духъ и ему.—*Земля* есть стихія сухая, твердая, тяжелая, мрачная, глубокая: посему преобладаніе ея въ тѣлѣ человѣческомъ даетъ человѣку темпераментъ сухой, глубокой, тяжелый, твердый, мрачный, т. е. *меланхолическій*.—*Вода* есть стихія растворяющая, образующая, холодная, безразличная къ движенію: посему преобладаніе ея въ природѣ тѣла даетъ человѣку темпераментъ спокойный, плотный, нечувствительный, недѣятельный, т. е. *флегматическій*.—*Воздухъ* есть стихія тонкая, легкая, прозрачная, зыблущаяся, воспріимчивая ко всѣмъ впечатлѣніямъ: посему преобладаніе ея въ тѣлѣ производитъ въ человѣкѣ темпераментъ нѣжный, легкій, сердечный, непостоянный, раздражительный, словомъ *сангвиническій*. Наконецъ, *огонь* есть стихія вверхъ стре-

мящаяся, движущая, яркая, воспламеняющая, разрушительная: посему преобладаніе ея въ тѣлѣ сообщаетъ человѣку темпераментъ гордый, дѣятельный, блистательный, тревожный, разрушительный, словомъ: *холерическій*. —

б) *Дѣйствіе на душу пищи*. И тѣ вещества, которыя человѣкъ употребляетъ въ свою пищу, производятъ своего рода дѣйствіе на его душу: душа, сообщаясь съ ними, какъ бы принимаетъ ихъ свойство и усвоается землѣ.

Пища обыкновенно бываетъ четырехъ родовъ: *масная*, *молочная*, *травяная* и *хлѣбная*; всѣ онѣ имѣютъ особенное отношеніе къ четыремъ темпераментамъ. *Масная* пища производитъ обильныя отдѣленія желчи и благопріятствуетъ развитію страстнаго, холерическаго темперамента: посему-то Церковь, дабы ослабить силу страстей внѣшняго человѣка, уравнивала для мірянъ мясоестіе постомъ. *Молочная* пища развиваетъ въ крови волокнистое вещество, изъ котораго преимущественно образуются мышцы, и благопріятствуетъ развитію подвижнаго, сангвиническаго темперамента; посему-то бедняки, питающіеся молокомъ своихъ стадъ, всегда имѣютъ легкое и живое движеніе, а дѣти, питающіеся молокомъ, скоро приобрѣтаютъ удобовѣжливость тѣлесныхъ и душевныхъ членовъ. *Травяная пища*, по существу своему, требуетъ меньшей дѣятельности разрѣшающихъ силъ и потому даетъ болѣе возможности душѣ обращать свою дѣятельность внутрь; почему Писагоръ, дабы возвести душу своихъ питомцевъ изъ игры чувственныхъ помысловъ и дѣлъ къ важнымъ и глубокимъ созерцаніямъ, рекомендовалъ имъ въ пищу капусту. *Наконецъ хлѣбная* пища развиваетъ въ тѣлѣ нарочитое количество влаги и благопріятствуетъ развитію темперамента мокротнаго, флегматическаго: почему эта пища всегда почиталась лучшимъ средствомъ для охлажденія страстей въ пламен-

ныхъ дѣлахъ знойнаго юга.—Тоже должно сказать и о напечаткахъ.

в) *Впечатлѣнія твердыхъ тѣлъ на душу при ихъ прикосновеніи.* Изъ опытовъ надъ нервно-больными должно заключить, что и прикосновеніе къ веществамъ не безразлично, а производитъ нѣкоторое, какъ бы магическое, дѣйствіе на нервы, а чрезъ нихъ и на душу. Такъ у извѣстной преворской больной, исторію которой рассказываетъ Густинъ Кернеръ, алмазь расширялъ зрачекъ, и напрягалъ зрѣніе; рубинъ причинялъ безпокойное движеніе; беритъ, раздражая особеннымъ образомъ ложечку, побуждалъ къ смѣху; горный хрусталь производилъ обморокъ, соединенный съ чувствомъ удовольствія; тяжелый инатъ разливалъ по членамъ чувство легкости; магнитный камень развеселялъ ее; грецкій орѣхъ сообщалъ душѣ какую-то благодать и расположенность къ другимъ; лавръ приводилъ въ магнитный сонъ. Почему, вѣроятно не безъ основанія, древніе приписывали однимъ драгоценнымъ камнямъ свойство возбуждать трезвое сознаніе, другимъ—оживлять духъ, третьимъ—вызывать прорицательные силы и т. д. Самый взглядъ на блестящую поверхность металла привелъ нѣкогда одного воодушевленнаго ремесленника—философа (Бема) въ состояніе, подобное состоянію ясновидѣнія.

фис

2) Отнюдь не безразличны для души нашей и тѣ образы и впечатлѣнія, которые воспринимаетъ она отъ постоянно окружающихъ ее предметовъ трехъ царствъ природы. Душа приносить съ собою въ бытіе земное одні только возможности или начала мыслей или идей, а самыя формы для нихъ сообщаетъ ей міръ дѣйствительный, такъ что поѣтому все образованіе нашего духа, такой или иной складъ и характеръ его дѣятельности, большею частію бываетъ вѣрнымъ отпечаткомъ

жѣстной природы, среди которой онъ развивается и образуется.

а) Мѣръ *неорганической* строгою правильностію своихъ частей, гармонією своихъ силъ и движеній всегда представляетъ въ себѣ зеркало Божественной премудрости, а потому наилучшимъ образомъ способствуетъ къ образованію въ чловѣкѣ разума, къ раскрытію въ немъ *идеи истины*. Такъ всеобщая гармонія природы внушала и внушаетъ намъ мысль о единомъ началѣ всѣхъ вещей—Богѣ, строгая законосообразность ея научала и научаетъ насъ твердому логическому размышленію; господствующія въ ней чѣсло, вѣсъ и мѣра—математической точности и основательности соображеній; разные виды ея движеній—приводили и приводятъ насъ къ мысли, лежащей въ основѣ механики. Законы дѣятельности ея сязь служили и служатъ образцемъ для жизни, процессы совершающагося въ ней разрушенія и возникновенія породили мысль, лежащую въ основѣ химіи, законъ бережливости внушилъ идею и правила государственнаго и домашняго хозяйства, повсюду видимая цѣлесообразность руководила насъ къ благоразумію; законъ постепенности научилъ—осторожности и терпѣвію въ преслѣдованіи своихъ цѣлей и т. под. Но общій видъ неорганической природы въ большихъ ея размѣрахъ, постоянно дѣйствуя на душу, сообщаетъ ей, смотря по свойству своему, еще особенное постоянное настроеніе. Такъ, видъ необозримой песчаной степи, возбуждаетъ въ насъ идею пустоты, и рождаетъ чувство независимости и сознаніе собственной свободы, не ограничиваемой никакими предѣлами (Египетъ Клот-Бей, 1842 г. ч. 1, стр. 10 и 11). Видъ высокихъ горъ возвышаетъ мысли горѣ, и сообщаетъ духу простоту и величіе. Видъ океана погружаетъ въ думу о безконечной вѣчности, въ которой тонетъ все конечное и временное, и располагаетъ къ преданности

Вышней воли. Видъ звѣзднаго неба возбуждаетъ въ душѣ идею безвѣчнаго могущества и презрѣніе къ земному.

б) *Царство органическое* зрѣлищемъ жизни, открывающейся въ немъ въ разнообразіи изящныхъ формъ, дѣйствуетъ болѣе на чувство и раскрываетъ въ умѣ идею *красоты*. Человѣкъ по существу своему есть тоже своего рода растеніе, которое также получаетъ жизнь, образуется, раскрывается, приноситъ плодъ и переходитъ отъ одной формы бытія къ другой; фокусъ этого образования его есть сердце. Посему всѣ формы, свойства и перемѣны растеній суть прообразованія соответственныхъ имъ формъ, свойствъ и перемѣнъ духовнаго нашего существа, и всегда возбуждаютъ въ духѣ извѣстныя чувствованія, какъ ихъ внутренніе отголоски. Такъ, на языкѣ священномъ, Церковь есть огражденный виноградникъ, Господь—виноградная лоза, праведникъ—цвѣтуцій финикъ, нечестивецъ—кедръ ливанскій, всящійся, но внезапно низвергаемый, молитва—благоуханіе цвѣточное, человѣкъ—трава и проч. Такъ, и на языкѣ поэтовъ, роза—символь любви, лилія—чистоты, фіалка—скромности, тюльпанъ—тщеславія, кипарисъ—печали, куколь—порока и под. Такъ—и эпохи развитія духовнаго обозначаются метафорами, снятыми съ жизни растенія; рожденіе, цвѣтъ, увяданіе, и всѣ обстоятельства перваго имѣютъ себѣ вѣрную аналогію въ обстоятельствахъ послѣдняго.—Посему-то страна, кипящая самою роскошною растительностію, т. е. Индія, была нѣкогда страной и самаго богатаго развитія духа, и особенно отечествомъ самой роскошной и увлекательной поэзіи. Напротивъ, страны, бѣдныя растительностію, всегда были бѣдны и поэзіею, хотя бы народъ, ихъ населяющій, ознаменовалъ себя особенными успѣхами умственной образованности, каковъ напр. былъ Египеть.

в) *Царство животное* своею живою дѣятельностію, своими инстинктами и нравами, дѣйствуетъ преимущественно на

волю человека, и указываетъ ему средства къ раскрытію *идеи добра*. Ибо естественныя стремленія человека суть тѣже естественныя стремленія животнаго, только одухотворенныя и образумленныя, такъ что исторія животнаго царства есть вѣрное предъизображеніе быта человѣческаго. Посему человекъ, свободно преслѣдуя свои разумныя цѣли, всегда находитъ свои замыслы уже предъисполненными въ окружающихъ его животныхъ, такъ что поэтому въ нихъ онъ имѣетъ себѣ уже готовый примѣръ для подражанія. Такъ—созерцаніе животныхъ: а) приводило и приводитъ его въ сознаніе своихъ врожденныхъ склонностей: созерцаніе парнаго сочетанія животныхъ въ первый разъ пробудило въ немъ мысль объ одиночествѣ; гнѣздо или пещера, покоющія семейство новорожденныхъ дѣтенышей, породили въ немъ мысль о домашнемъ очагѣ и собственности; наблюденіе надъ стадами и стаями давало ему чувствовать, что тѣмъ паче онъ самъ предназначенъ къ общественной жизни; странствованіе четвероногихъ и дальніе полеты птицъ пробуждали и въ немъ желаніе видѣть дальнія страны, и раздражали любознательность; игры и увеселенія, печали и радости, страхи и тревоги окружающихъ его животныхъ представляли ему исторію собственнаго его сердца. б) Животныя же приводили и приводятъ его часто и къ многимъ изобрѣтеніямъ: такъ бобры учили его строить, рыбы—плавать, большія животныя приводили и приводятъ—одни къ открытію цѣлебныхъ растений, другія—красокъ, рудъ, минеральныхъ источниковъ; предчувствіемъ переменъ погоды они внушили ему мысль о метеорологіи, а приѣмами въ нападенія и защищенія себя—мысль о фехтованіи и фортификаціи и т. под. Наконецъ в) животныя нечувствительно сообщаютъ человеку, среди ихъ живущему, и свои нравы и способности. Такъ, пѣвчія птицы нечувствительно сообщаютъ человеку наклонность къ пѣнію и музыкѣ и даже даютъ этимъ искусствамъ соотвѣтственный своему роду харак-

теръ; рыбы внушаютъ ему мысль самоуглубленія, внутренней жизни, самообразованія; а четвероногія передаютъ ему нравы и свойства общежительныя, — при чемъ кроткія животныя общаются ему миролюбіе, коварныя — хитрость, звѣри — жестокость и т. под.

3) Наконецъ, земля опредѣляетъ и образъ жизни чело-вѣка, привязывая его къ извѣстному краю, или части свѣта, или къ цѣлому составу своему. Человѣкъ внѣшній тяготѣть къ ней, какъ часть къ цѣлому, какъ дитя къ лону матери, какъ желѣзо къ магниту. — И это тяготѣніе связываетъ и отвлекаетъ отчасти свободу и безсмертныя стремленія духа. Такъ, *каждый* *пороzekъ* *человѣкъ* тяготѣть и тѣломъ и душою къ своей *родинѣ* и, переселившись въ чуждый край, испытываетъ тоску по родинѣ, которая нерѣдко снѣдаетъ его здоровье. Каждое *племя* нѣкоторыми внутренними узами приковано къ извѣстной части свѣта, и сынъ каждаго племени, оторванный отъ своей земли, испытываетъ тоску по ней. Наконецъ, когда смерть разрываетъ связь, соединяющую чело-вѣка со всею землею, тогда глубокая скорбь, пронзающая его сердце, тоска смерти, сильно говоритъ, что земля есть родина ему.

II. П л е м е н а .

Понятіе племени, въ приложеніи къ чело-вѣку, всегда имѣть въ себѣ нѣчто унижительное и противное для чело-вѣческаго чувства. Чтобы чело-вѣка поставить въ рядъ живот-ныхъ, и разныя отдѣленія чело-вѣческаго рода, въ коихъ пред-ставляются различныя видоизмѣненія единого Богоподобнаго чело-вѣческаго образа, разсматривать какъ породы животныхъ, — для сего надобно сначала самому стать въ разрядъ животныхъ. Посему психологъ потому только и можетъ входить въ изслѣ-дованіе этого предмета, чтобы освободить здѣсь чело-вѣческое

достоинство отъ безчестныхъ на него нареканій ложнаго естествознанія.

Разсуждая о племенахъ, надобно I) установить понятіе о нихъ, II) показать ихъ происхожденіе и III) начертать ихъ характеристику.

1) Понятіе племени.

Племя (Race) вообще есть извѣстная часть одного какаго либо вида животныхъ, которая въ физическомъ образованіи своемъ носитъ глубоко напечатлѣнные, неизгладимыя, наследственно переходящія черты, отличающія ее отъ другихъ частей того же вида. Здѣсь три понятія: 1) племя есть часть *животныхъ одного вида* (Species); 2) черты, его запечатлѣвающія, неизгладимы и переходятъ изъ рода въ родъ, 3) или полагаются въ цѣломъ видѣ *животныхъ извѣстныхъ коренныхъ разности или различныхъ части*. Эти понятія должно приложить и къ племенамъ въ человѣческомъ родѣ.

1) *Племя* въ животномъ царствѣ не то, что *виды*. *Виды* въ царствѣ животныхъ указываютъ на первоначальное ихъ раздѣленіе въ одномъ общемъ ихъ родѣ: они *не произошли* исторически, чрезъ развитіе или разложеніе какаго либо, такъ сказать, родоваго животнаго, а при самомъ твореніи положены, какъ коренныя разности въ родѣ. Напротивъ *племена* въ извѣстномъ классѣ животныхъ суть разности, происшедшія съ теченіемъ времени, а въ началѣ они предполагаютъ общее единство, изъ коего раскрылись: это суть только новыя измѣненія видовъ дѣйствіемъ естественныхъ причинъ, или коренныхъ ихъ породы. Такъ, если мы положимъ, что волкъ, лисица, шакалъ, гіена и собака суть различнаго *происхожденія*, то они суть *виды* въ классѣ четвероногихъ; если же, напротивъ, примемъ, что они произошли отъ одного какаго-то всѣмъ имъ подобнаго животнаго, то они суть *племена* въ этомъ классѣ

четвероногихъ и именно племена этого общаго животнаго. Виды составляютъ предметъ *естествоописанія* (*naturbeschreibung*), а племена предметъ *естественной исторіи* (*naturgeschichte*). Такимъ образомъ самымъ понятіемъ племеньъ человѣческихъ предполагается единство человѣческаго рода. Этому единства требуютъ единогласно философія, опытъ и религія христіанская.

а) Въ философскомъ отношеніи весьма важна та истина, что всѣ люди произошли отъ одной четы, и что такимъ образомъ весь человѣческій родъ составляетъ одно семейство.

Духъ человѣческаго рода есть единъ въ существѣ своемъ, всеобщъ, одинаковъ во всѣхъ недѣлимыхъ. Въ немъ нѣтъ и не можетъ быть тѣхъ твердыхъ различій, какія существуютъ между различными классами животнаго: именно потому, что, по *понятію* своему, онъ есть уничтоженіе всѣхъ естественныхъ разностей, поелику онъ выше природы. Природа, по своему пространственному образу бытія, всѣмъ своимъ произведеніямъ сообщаетъ характеръ твердой раздѣльности и внѣшности: напротивъ, духъ существуетъ подъ формою *времени*, и потому исключаетъ пространственное разлученіе составляющихъ его моментовъ, сливаетъ ихъ въ тождество своего мысленнаго бытія и раскрываетъ ихъ только одинъ за другимъ во времени. Потому разностей духа мы должны искать во времени: это суть степени его развитія въ теченіе исторіи.

Отвергнувши происхожденіе всѣхъ людей отъ одного корня, мы должны отвергнуть и единство человѣческаго рода, а вмѣстѣ съ тѣмъ и единство всеобщей исторіи. Ибо, будучи разнородными частями человѣчества, племена не могутъ совокупно содѣйствовать осуществленію одной цѣли. Тогда надлежало бы предположить сколько племень, столько же всеобщихъ цѣлей и исторій на одной и той же землѣ,—что совершенно противно разуму.

б) Впрочемъ и опытъ совершенно удостовѣряетъ насъ въ этомъ единствѣ человѣческаго рода.

Разность между людьми различныхъ племенъ никогда не простирается такъ далеко, чтобы ихъ нельзя было производить отъ одного корня: какъ наружная форма, такъ и душевные характеры обличаютъ въ нихъ одинакія коренныя силы и свойства.

Всѣ извѣстныя религіи, искусства, науки, законодательства, ремесла, нравы, обычаи, повѣрья, языки, сколько дознаво, имѣютъ такое сродство между собою, что необходимо предположить въ нихъ единство происхожденія, и до нѣкоторыхъ предѣловъ можно исторически преслѣдовать ихъ постепенное восхожденіе къ одному корню.

Противники сего мнѣнія, какъ-то: *Вольтеръ* ¹⁾, *Демуленъ* ²⁾, *Бори-де-Сентъ-Венсанъ* ³⁾, *Вирей* ⁴⁾ и *Ламаркъ* ⁵⁾, принимавшіе множество племенъ въ человѣческомъ родѣ, первоначально различныхъ по происхожденію, основывали это мнѣніе на поверхностномъ знаніи законовъ природы, и ограниченномъ изученіи человѣческой исторіи. Нынѣ ихъ мнѣнія имѣютъ достоинство почти только дѣтскихъ сказокъ ⁶⁾.

в) Еще драгоцѣннѣе эта мысль въ религіозномъ отношеніи. По ученію св. Писанія Богъ *сотворилъ отъ единыя крове весь языкъ человѣчь* (Дѣян. XVII, 26). Всѣ люди суть дѣти

¹⁾ См. Histoire de Russie Sous Pierre le grand. ed.

²⁾ Histoire naturelle des races humaines.

³⁾ Dictionnaire Classique d'histoire naturelle, том 8. Par. 1825.

⁴⁾ Oeuvres том II, pag. 137.

⁵⁾ Philosophie Zoologique, том II, p. 445.

⁶⁾ Трактатъ о племенахъ писанъ авторомъ въ концѣ 30 годовъ, когда блескъ спекулятивной вѣмецкой философіи (Шеллингъ и Гегель...), казалось, совсѣмъ затмилъ въ ученомъ мірѣ эти мнѣнія. Авторъ, какъ видно, и не воображалъ, чтобы эти мнѣнія, на время подавленные, снова, съ упадкомъ спекулятивныхъ идей, подняли свою голову... *Примеч. Редакт.*

единого отца и матери, носят и раскрываютъ въ себѣ единый образъ Адама, и потому братія между собою по душѣ и тѣлу; весь родъ человѣческой есть поэтому единое семейство, одинъ организмъ, одинъ человѣкъ. Разрушенное грѣхомъ единство человѣческаго рода, восстанавливается вторымъ Адамомъ. Христіане также отъ единой Его, Искупителя, крове возсоздаются въ единое духовное человѣчество; суть Его чада, Его образъ въ разныхъ чертахъ на себѣ раскрываютъ, и суть истинные братья между собою *по духу* благодати и *тѣлу* Христову; вся Церковь есть единое таинственное тѣло, во его глава Христосъ, а вѣрующіе—члены, и которое при соразмѣрномъ и согласномъ *взаимномъ дѣйствіи* *всѣхъ членовъ* *растетъ* возрастомъ Божиимъ для жизни будущей. Видѣнная св. апостоломъ и евангелистомъ на небѣ Церковь есть единое согласнѣйшее, совершеннѣйшее общество, *избранное отъ всѣхъ языкъ, и колѣнъ, и племенъ*, по исключеніи *всѣхъ чуждыхъ* ему мертвыхъ членовъ, имѣющее жить жизнью совершенною и вѣчною. Это ученіе откровенія такъ возделѣнно сердцу, такъ возвышено надъ всѣми философскими идеалами, что чистая душа никогда не согласится съ нимъ растаться. Между тѣмъ оно основывается именно на единствѣ человѣческаго рода, на томъ мнѣніи, что человѣчество есть одинъ *видъ* (*species*) между многими видами животнаго царства.

Разность племенъ не препятствуетъ единству человѣческаго рода.

Три измышлены способа для совмѣщенія различія племенъ съ единствомъ человѣчества.

а) Нѣкоторые полагаютъ, что форма человѣческаго организма, начиная отъ прародителей, съ теченіемъ времени облагораживается болѣе и болѣе, что типы человѣческаго лица, встречаемые нами въ племенахъ, напр. негрскій, монгольскій, кавказскій, суть степени этого послѣдовательнаго облагороженія;

что поэтому самая низкая форма организма есть самая первоначальная форма, из которой развились прочія. Такого мнѣнія были между прочимъ — *Кантъ* и *Гегель*.

β) Иные напротивъ думаютъ, что первоначальная форма человеческого организма была совершеннѣйшая и представлялась въ нѣкоторомъ первоначальномъ образцовомъ племени человеческого рода, — что съ постепеннымъ развращеніемъ человѣка искажался и его образъ, и главныя степени этого искаженія въ нисходящемъ порядкѣ суть племена, начиная отъ кавказскаго, монгольскаго, американскаго, негрскаго, малайскаго. Такъ думали *Стефенсъ* и *Шубертъ*.

γ) Среднее между этими мнѣніемъ было бы то, что настоящія органическія формы племенъ не суть — ни постепенно — большее въ одномъ изъ нихъ предъ другими искаженіе, ни постепенно — большее облагороженіе типа первоначальнаго, а только его разложеніе, такъ что каждое племя носитъ на себѣ ту или другую долю типа первообразнаго, а онъ всеобщій носится надъ всѣми, какъ невидимый образъ всеобщаго мысленнаго человѣка.

Всѣми тремя этими гипотезами равно предполагается, что въ настоящемъ состояніи рода человеческого первоначальнаго образа человѣка нигдѣ не находится. Но что же на самомъ дѣлѣ происходитъ съ образомъ человеческимъ въ исторіи человеческого организма, и какой образъ лица человеческого долженъ быть признаваемъ совершеннѣйшимъ? Отвѣтъ на это очевь простъ. Тѣлесный образъ человѣка есть только внѣшнее, вещественное явленіе внутренняго духовнаго образа Божія въ человѣкѣ, составляющаго самое существо человѣка. По велику образъ Божій въ первомъ человѣкѣ былъ въ неповрежденномъ состояніи, то и тѣлесный его образъ былъ достойнымъ его отраженіемъ. Съ искаженіемъ перваго грѣхомъ, стра-

стями, скорбями, и послѣдній долженъ быть искажаться смертностью, неправильностями, болѣзнями.

Но такъ какъ промыслѣмъ Божиимъ исконно употребляются мѣры для возстановленія поврежденнаго образа Божія въ духѣ человѣка и онъ дѣйствительно въ извѣстной мѣрѣ и степени возстановляется въ тѣхъ народахъ и лицахъ, кои подчиняются благодатному дѣйствию Божественныхъ мѣръ: то съ ними вмѣстѣ и тѣлесный образцовый образъ человѣка исконно же не только предохраняется отъ дальнѣйшаго искаженія, но и изъ самаго растлѣнія и порчи постепенно, такъ сказать, извлекается и приближается къ первообразному своему совершенству—въ тѣхъ, кои дѣятельнымъ употребленіемъ средствъ спасенія возстановляютъ въ себѣ духовный образъ Божій. Новый Адамъ, образъ ипостаси Божіей и сіяніе славы Божіей, есть въ то же время безсомнѣнія и прекраснѣйшій изъ сыновъ человѣческихъ; поэтому и совершенство племенныхъ типовъ должно опредѣлять большимъ или меньшимъ приближеніемъ ихъ къ Нему. А такъ какъ Онъ, какъ Сынъ человѣческій, принадлежалъ къ такъ называемому кавказскому племени, то типъ послѣдняго и должно почитать совершеннѣйшимъ. Таковымъ онъ оказывается и по началамъ нашего вкуса.

2) Дабы черты, отличающія племена человѣческаго рода, были собственно отличительными чертами племени, надобно, чтобъ онѣ были неизгладимы, переходили отъ родителей къ дѣтямъ и сохранялись даже въ смѣшеніи. Объяснимъ это.—

Понятіе племени въ человѣчествѣ относится собственно къ происхожденію или размноженію людей другъ отъ друга. Въ семъ отношеніи въ каждомъ племени своимъ образомъ исполняется всеобщій законъ органической природы: всякое живое существо рождаетъ другое по образу своему и по подобию своему. Посему а) кавказецъ съ одноплеменной ему женою дол-

женъ рождають кавказца, монголецъ съ одноплеменной—монгольца; негръ съ негрятянкою—негра и т. д.;—и этотъ законъ весьма упорно сохраняетъ свою силу, если и переселить этихъ представителей племенъ въ чуждые имъ климаты, что дознано и опытомъ.

β) Если мужское лицо одного племени вступить въ супружество съ женою другаго племени, то въ семъ соединеніи каждое лицо какъ бы старается удержать черты своего племени, такъ что отъ нихъ рождается лицо смѣшанной породы: такъ напр. бѣлый кавказецъ съ негрятянкою рождаетъ *мулата*,—съ монголкою—желтаго *метиса*, американецъ съ негрятянкою—*кабула* или чернаго *кариба*, съ монголкою—красваго *метиса*. Оба эти свойства суть необходимыя принадлежности племени. Если имѣеть мѣсто только одно изъ двухъ, т. е. ежели извѣстныя черты или переходятъ въ потомство, но не сохраняются въ смѣшеніи, или, наоборотъ, сохраняются въ смѣшеніи, но не удерживаются въ потомствѣ; то онѣ не суть коренныя черты племени. Черты перваго рода суть *видовыя отмычки* *spielantav*. Такъ напр., цвѣта лица: блондины, брюнеты и проч., суть *видовыя отмычки* бѣлыхъ, потому что хотя отъ четы блондиновъ рождаются обыкновенно блондины, отъ четы брюнетовъ—брюнеты и проч., но блондинъ отъ брюнетки можетъ родить и блондина, и брюнетъ отъ блондинки—брюнета. Черты другаго рода, сохраняющіяся въ смѣшеніи, но не удерживающіяся въ потомствѣ, если поколѣніе переселить въ другой климатъ, на другую почву, для другаго образа жизни, суть *разности varietates*. Таковы—ростъ, станъ, соразмѣрность членовъ и пр. Напр. замѣчаютъ, что въ цвѣтушія времена Венеціи дворяне, особливо дворянки древнихъ и знаменитыхъ фамилій, ростомъ и видомъ далеко возвышались надъ низшими сословіями, и эти черты удерживали и въ смѣшеніи; но съ переменною обстоятельствамъ измѣнились и наружный образъ

нствъ дворянскаго величія. Тоже замѣчаютъ теперь на *отличительныхъ* ¹⁾.

3) Спрашивается гдѣ, въ какой силѣ человѣческаго организма нѣдрится эта неизгладимость отличительныхъ чертъ племени? На чемъ держится эта (относительная) необходимость сохраняться имъ и въ потомствѣ и въ смѣшеніи?

Каждое раскрывающееся недѣлимое раскрываетъ и удерживаетъ на своемъ организмѣ типъ своего племени въ теченіи цѣлой жизни: оно же передаетъ его въ рожденіи и потомству: слѣд. этотъ типъ напечатлѣнъ въ той силѣ человѣческаго организма, которою человѣкъ сохраняетъ себя и какъ *недѣлимое* и какъ *родъ*, т. е. въ силѣ *воспроизводительной*, и преимущественно въ послѣднемъ ея направленіи, въ *родотворящей* силѣ жизни. Какъ бы положено въ ней, чтобы не просто только *человѣкъ* рождалъ *человѣка*, но и чтобы *человѣкъ известнаго видоизмѣненія* рождалъ *человѣка съ тѣмъ же видоизмѣненіемъ*, чтобы т. е. *человѣкъ* рождалъ *человѣка* не только по (общему) *образу своему*, но и по (частному) *подобию своему*.

Спрашивается далѣе: есть ли эта необходимость непреложная, или только условная? Признавъ ее непреложною, надобно, повидимому, для происхожденія каждаго племени предположить особенную чету прародителей, какъ ихъ прототиповъ и слѣд. раздробить единство человѣческаго рода. Но съ другой стороны признавъ ее условною, и слѣд. случайною, мы должны, повидимому, отвергнуть тотъ законъ, что типъ племени ненарушимо сохраняется въ потомствѣ, т. е. разрушить самое понятіе о племени.

¹⁾ На этомъ основаніи у *Мопертюи* составилась мысль—черезъ постепенное отдѣленіе несовершенныхъ порожденій, образовать высшую породу такихъ семействъ, которыя бы какъ *внѣшній образъ* красоты и величія своего, такъ и *внутреннія душевныя доблести*, передавали изъ *рода* въ *родъ*.

Эта антиномія дѣйствительно была мукою естествознанія, и она—то главнымъ образомъ побуждала натуралистовъ либо къ той, либо къ другой крайности. Между тѣмъ она весьма естественно и совершенно разрѣшается.—Въ родотворящей органической силѣ, по самому понятію объ ней, предопредѣленъ можетъ быть только *родъ*, т. е. чтобы человѣкъ рождалъ человѣка (такъ, какъ животное—животное, растеніе—растеніе); а частное направленіе ея, т. е. чтобы *извѣстный* человѣкъ рождалъ *извѣстнаго* человѣка, это зависитъ не отъ существа родотворящей силы, а отъ тѣхъ опытныхъ условій, среди коихъ она открываетъ свою производительность въ мірѣ дѣйствительномъ. Съ измѣненіемъ условій измѣняется и образъ ея проявленія. Посему-то, напр. негры, бывъ переселены въ Америку, по свидѣтельству *Причарда*, уже въ третьемъ поколеніи начинаютъ измѣнять цвѣтъ лица своего; а въ болѣе долгій срокъ времени вѣроятно поэтому должны измѣниться въ нихъ и многія другія, а быть можетъ, и всѣ спеціальныя черты ихъ племени.

Откуда же происходитъ это постоянство или упорство въ сохраненіи типовъ племенныхъ?

Оно изъясняется тѣмъ всеобщимъ закономъ, что *всякое бытіе въ первоначальномъ своемъ состояніи бываетъ неопредѣленно, зыбко, безкачественно; но изъ этого состоянія должно чрезъ различныя измѣненія переходить въ состояніе опредѣленное, твердое, неизмѣнное, пока, достигши оного, совершенно окрѣпнетъ и такимъ образомъ сдѣлается тѣмъ, чѣмъ ему быть предназначено.* Этотъ законъ господствуетъ въ царствѣ природы. Кристаллъ изъ состоянія жидкаго переходитъ въ твердое, пока окрѣпнетъ на цѣлыя тысячелѣтія. Растеніе въ росткѣ и первыхъ отпрыскахъ бываетъ нѣжно, но послѣ постепенно крѣпнетъ, пока приобрѣтетъ твердость ископаемаго, да въ тоже время лишится

жизни. Начало животного есть жидкая матерія, которая послѣ *сущается* въ нервы, мышцы, сосуды, хрящъ, и тогда животное рождается на свѣтъ; съ теченіемъ жизни хрящъ претворяется въ кости и съ тѣмъ вмѣстѣ мало-по-малу опредѣляется уже и вся фizioномія животного; къ старости же и смерти весь организмъ засыхаетъ и какъ бы стремится превратиться въ кость.

Не менѣе господствуетъ онъ и въ царствѣ духа. Въ разумѣ понятія, первоначально выскія, послѣ утверждаются и наконецъ обращаются въ неотразимыя убѣжденія; чувствованія, въ дѣтствѣ неопредѣленныя, въ мужествѣ получаютъ себѣ извѣстный предметъ, и въ старости навсегда съ нимъ сливаются; воля въ первый періодъ жизни бываетъ безхарактерна и слаба; въ средній періодъ пріобрѣтаетъ правила и дѣйствуетъ самостоятельно; наконецъ въ послѣднемъ образуется въ извѣстный характеръ, который, — въ естественномъ порядкѣ — уже неизмѣняется. — Что дѣлается съ недѣлимыми въ теченіи ихъ бытія, тоже происходитъ и со всемъ міромъ. Явленія природы неорганической показываютъ, что зиждущія силы природы въ давно-минувшіе вѣка дѣйствовали съ чрезвычайнымъ могуществомъ и производили великіе водяные и огненные перевороты на землѣ; съ теченіемъ же времени онѣ входятъ постепенно въ надлежащую форму и нынѣ, какъ бы изнемогая, только слегка видоизмѣняютъ, оживляютъ и довершаютъ уже установившуюся фizioномію нашей планеты. Царство растений, какъ можно догадываться, также постепенно опредѣляется въ своихъ формахъ. Еще замѣчательнѣе это въ царствѣ животныхъ: сравненіе остатковъ допотопныхъ животныхъ съ нынѣшними рѣшительно удостовѣряетъ въ томъ, что и жизнь животная съ ходомъ времени все болѣе опредѣляется въ своихъ формахъ, подчиняется болѣе точнымъ и мѣрнымъ законамъ, принимаетъ монотонный характеръ. Тѣ же явленія представляетъ и исторія духа. На-

ука прежде была неопредѣленною цѣлостію знанія; послѣ она раздѣлилась на главныя отрасли знанія, частныя науки; каждая изъ нихъ снова развѣтвляется и дробится, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣлый образъ науки опредѣляется въ чертахъ.

Искусство прежде было сочетаніемъ всѣхъ искусствъ въ гармоническую цѣлость; въ послѣдствіи оно разложилось на главныя искусства, а эти потомъ снова раздробились въ свою очередь, и довершаютъ его всецѣлое образованіе. Жизнь общественная въ патриархальныя вѣка была сліяніемъ нравственности и права — въ нѣдрахъ религіи; послѣ она разложилась на составныя свои части, и святость, и добродѣтель и правда начали каждая болѣе и болѣе раскрываться и опредѣляться въ себѣ, дробясь на дальнѣйшія составныя идеи, а такимъ образомъ и цѣлая идея добра раскрывается въ подробныхъ чертахъ и получаетъ свой образъ. Такъ и языкъ человѣка первоначально былъ и долженъ быть одинъ, какъ свидѣтельствуется непреложно — истинное слово Божіе; при столпотвореніи онъ разложился на нѣсколько главныхъ языковъ; каждый изъ нихъ раскрывался дагѣе въ своихъ идіомахъ, идіомы дробились на нарѣчія, и съ тѣмъ вмѣстѣ человѣческое слово постепенно все болѣе и болѣе какъ бы истощалось въ своемъ содержаніи, двигаясь къ полному своему образованію. Вообще, все бытіе, по первоначальному своему понятію, есть только сила, дѣйственность, движеніе изъ возможнаго въ дѣйствительное; но оно должно сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ предназначилъ ему быть Творецъ, навсегда; по сему оно стремится къ развитію, къ самообразованію, къ претворенію возможнаго въ дѣйствительное, случайнаго въ необходимое. Последняя эпоха этого самообразованія настоящаго бытія должна быть вмѣстѣ и концемъ его и началомъ вѣчности.

Но въ этой исторіи самообразованія бытія земнаго, особенно должно отличать эпоху первыхъ послѣпотопныхъ вѣковъ,

какъ особенную эпоху перехода изъ состоянія прежней неопредѣленности въ состояніе опредѣленное и установившееся. Сравненіе первоначальныхъ переворотовъ на нашей землѣ, по оказывающимся слѣдамъ ихъ, съ немного позднѣйшими, — допотопныхъ формъ животнаго царства съ формами близкихъ къ нему послѣдующихъ вѣковъ, — почти 1000-лѣтней жизни первыхъ отцевъ съ 100-лѣтнимъ вѣкомъ времени Авраамовыхъ и пр., даетъ видѣть, что оный переходъ бытія земнаго изъ состоянія зыбкаго въ состояніе опредѣленное произошелъ не съ медленною, а съ скорою постепенностію. И къ этой-то эпохѣ относится первое образованіе коренныхъ языковъ, законодательствъ, разныхъ языческихъ религій, главныхъ наукъ и искусствъ. Здѣсь полагались основы всему дальнѣйшему порядку бытія земнаго.

Къ сей-то эпохѣ относится первое образованіе и физическихъ типовъ, нравственныхъ характеровъ и судебъ всѣхъ племенъ человѣческихъ. Здѣсь въ неопредѣленномъ еще состояніи природы человѣка и вселенной впервые произошли племенные типы, а послѣ, когда порядокъ бытія установился и они установились, и какъ бы кристаллизовались, остались неизмѣнными навсегда.

Къ чему же служить по крайней мѣрѣ относительная неизмѣняемость каждаго племени?

Поелику черты племеннаго типа, хотя и относительно, неугладимы, сохраняются подъ вліяніемъ чуждой природы и даже въ смѣшеніи: то онѣ указываютъ, какъ видно, на намѣреніе Промысла внести въ раскрытіе природы человѣческой разнообразіе и подчинить это разнообразіе опредѣленнымъ законамъ. Коренныя черты племени суть коренныя начала или основанія, на которыхъ утверждается неограниченное видообразованіе человѣческой природы. Безъ сихъ твердыхъ началъ

бесконечно различныя формы этой природы представляли бы хаосъ.

Если же различныя типы людей раскрылись изъ одной общей первообразной формы человѣка и заключались первоначально въ ней; то каждый изъ нихъ имѣлъ въ ней свое особенное значеніе, и мы должны поэтому искать въ нихъ внутренняго соотношенія между собою и съ ихъ источною первообразною формою. Они должны быть составныя части или стороны одного прототипа человѣческой природы. Въ частности:

а) Органическія формы племень суть разложеніе одной первоначальной тѣлесной формы на главныя ея стороны.

б) Нравственныя характеры племень суть разложеніе одной природы духа человѣческаго на его составныя моменты.

γ) Намѣренія Промысла касательно всѣхъ племень порознь суть части одного всеобщаго Божественнаго плана касательно человѣческаго рода.

Показать первое есть задача физиологій, второе—психологій, третье—философій исторіи.

II. Происхожденіе племень.

Изясняя происхожденіе племень, мы должны 1) взять во вниманіе предметъ изясненія, т. е. самыя разности племень; 2) установить для себя начало изясненія и 3) наконецъ, изяснить самымъ дѣломъ эти разности, слѣдовательно опредѣлить и число племень.

1) Предметъ изясненія въ племенахъ составляютъ: а) для натуралиста—различія ихъ физиологическія, б) для психолога—нравственныя характеры племень, с) для философа—судьба, какая предоставлена Промысломъ каждому племени въ исторіи человѣчества.

а) Изъ внѣшнихъ отличій прежде всего обратили на себя вниманіе разныя цвѣта—кожи, глазъ, волосъ. Многіе писа-

тели древности, справедливо полагая, что цвѣтъ кожи есть дѣйствіе климата, дѣлили людей по цвѣту на столько классовъ, сколько есть климатовъ; именно: на черныхъ, жителей жаркаго климата, *эііоповъ*; на бѣлыхъ, жителей холоднаго климата, *скифовъ*, германцевъ, и на *мѣдно-желтыхъ* или *красныхъ*, жителей умѣреннаго климата, *эракійцевъ* (т. е. монголовъ). Съ расширеніемъ естествознанія въ новыя времена присовокупили къ этому еще *краснобурыхъ* жителей Америки и *смурлыхъ*, съ разными отбѣнками, *малайцевъ*.—Другіе, какъ *Поуналь* и особливо *Комбъ*, приняли за характеристическое отличие племенъ *лицевой уголъ*, образуемый линіею, идущею отъ слуховаго прохода (*meatus auditorius*) къ основію ноздрей, съ другою, нисходящею къ той же точкѣ отъ возвышеннѣйшей поверхности лба. Этотъ уголъ въ различныхъ племенахъ имѣетъ различную величину, отъ 58° до 80°, такъ что, если величинѣ его, согласно съ системою *Лафатера*, соразмѣрно бываетъ и развитіе душевныхъ способностей, то всѣ племена представляютъ лѣствицу, сколько постепеннаго облагороженія лица челоука, столько же и духовнаго усовершенствованія. Такую лѣствицу представляютъ племена: *малайцевъ*, *негровъ*, *калмыковъ*, *европейцевъ*.—*Блюмебахъ* нашелъ въ этой системѣ сбивчивость и принялъ за основаніе различенія племенъ форму всего черепа, и именно т. н. *вертикальную форму*. Разсматриваемая сверху, голова представляетъ либо симметрическое соединеніе длины и широты въ формѣ овальной, либо простирается болѣе въ длину, либо отличается расширеніемъ боковыхъ частей. Первая форма головы, по его мнѣнію, принадлежитъ кавказцу; вторая—негру; третья—монголу. Типы малайскій и американскій онъ почитаетъ только переходными отъ одного образцоваго къ двумъ другимъ: малайскій—переходомъ отъ кавказскаго къ негрскому; американскій—отъ кавказскаго къ монгольскому.—Наконецъ иные фізіологи брали во

внимавіе всецѣлое образованіе тѣла и, полагая основаніе его въ тазѣ, различали племена по различію формы таза. Такъ Веберъ усволяетъ преимущественно: европейскому племени—овальную, американскому—круглую, монгольскому—четверугольную, а африканскому—продолговатую форму таза (Prichard, *Naturgeschichte des menschengesichts*, Band 1. § 390).

б) Но еще Аристотель различалъ племена не только по наружнымъ чертамъ κατ' ὄψεος, но и по нравамъ κατ' ἤθεος, и на наружныя черты смотрѣлъ, какъ на выраженіе внутренняго характера; въ этомъ отношеніи онъ различалъ типы: еіоіоскій, скиноскій и ераіійскій. Опытъ свидѣтельствуетъ, что каждое семейство, родъ, народъ, племя имѣютъ свои общія нравственныя свойства, свои совершенства и недостатки, сохраняющіеся болѣе или менѣе въ послѣдующихъ поколѣніяхъ, свой духовный типъ, которому въ извѣстной мѣрѣ и степени остаются вѣрны относящіяся къ нимъ недѣлимыя, такъ что каждый типъ есть свое относительное цѣлое, въ своемъ кругѣ правильно разлагающееся на составныя его черты. Въ семъ отношеніи исторія изъ глубокой древности представляетъ намъ преимущественно три нравственные типа: 1) народовъ рабствующихъ; 2) кочующихъ и 3) живущихъ гражданскою жизнью. Первые всѣмъ существомъ своимъ привязаны къ земной природѣ; погружены въ чувственность, удалены отъ высшаго свѣта истины и добра, и на лѣтвицѣ челоуѣческаго усовершенствованія занимаютъ самую низшую степень, примыкающую къ царству животныхъ. Вторые—въ мысляхъ и чувствованіяхъ своихъ отрѣшены отъ природы и обращены къ Безконечному, котораго впечатлѣнія воспринимаютъ въ глубинѣ души своей, по степени своего совершенства нравственнаго, либо вѣрнымъ чувствомъ, либо съ многоразличными нечистыми и чудовищными видоизмѣненіями ихъ фантазією;—любятъ и преслѣдуютъ въ своихъ стремленіяхъ различныя идеалы фантазіи: свободу, ве-

личіе, могущество, и т. п. и послѣдно осуществляютъ ихъ въ званіяхъ, искусствахъ, образѣ жизни, обычаяхъ и проч. Третьи— обращены болѣе другъ къ другу и потому отличаются развитіемъ всѣхъ человѣческихъ силъ и способностей, каковы: торговля, искусство, наука, гражданственность.

Каждый изъ сихъ типовъ въ каждомъ племени принимаетъ еще различныя частнѣйшія видоизмѣненія.

с) Когда обозрѣваемъ столь многіе народы, расположенные по различнымъ степенямъ лѣтвицы человѣческаго достоинства, и потомъ сравниваемъ между собою три означенные образа жизни племень по ихъ достоинству; то самъ собою возникаетъ вопросъ: отъ чего досталась столь неравная доля силъ племенамъ и заключающимся въ нихъ народамъ? Судьбы племень выходятъ за предѣлы власти каждаго изъ нихъ и скрываются въ волѣ и намѣреніяхъ Вседержителя. Согласить сіи судьбы съ премудростію и благостію Вседержителя есть задача богослова-философа. Впрочемъ и физическіе типы и нравственные характеры и историческія судьбы всѣхъ трехъ племень не раздѣлены между собою рѣзкими границами, а чрезъ постепенные переходы весьма нечувствительно переходятъ другъ въ друга, а тѣмъ и обличаютъ тождество человѣческаго образа во всѣхъ людяхъ.

2) Спрашивается: какъ изъяснить сія физическія, нравственные и историческія различія племень?

а) Физическія различія. Въ природѣ всякаго органическаго существа, какъ и всякаго другаго, лежитъ законъ самосохраненія, по которому оно, не смотря ни на какія стороннія вліянія, старается остаться и сдѣлать себя тѣмъ, чѣмъ оно есть по существу своему, именно сохранить себя какъ родъ.

Извѣстное же видообразование сего рода зависитъ, какъ мы скавали, отъ тѣхъ условій, среди коихъ она родотворящая

сила раскрываетъ свою производительную силу въ мирѣ дѣйствительномъ. Эти условія 3-хъ родовъ: а) чисто внѣшнія вліянія климатическія, б) чисто внутреннія, зависящія отъ души и γ) смѣшанныя, духовно-тѣлесныя, внѣшнія и вмѣстѣ внутреннія.

а) Вліянія климата. Родотворящая сила жизни въ воспроизведеніи недѣлимыхъ должна ограничиваться условіями климата, каковы: теплота, воздухъ, вода, почва, пища и проч. Въ семъ смыслѣ она заключаетъ въ себѣ многообразныя силы или основанія для развитія изъ себя тѣхъ органовъ или отправленій, какіе нужны для сохраненія его именно среди этихъ вліяній, и вмѣстѣ съ тѣмъ начала для развитія различныхъ наружныхъ формъ. Такъ, поелюку пшеничное зерно въ холодномъ климатѣ болѣе должно защищаться противъ влажной стужи, нежели въ жаркомъ, то въ немъ положена способность мало-помалу производить изъ себя плотнѣйшую кожу. Въ птицахъ одного и того же рода, если имъ предназначено жить въ разныхъ климатахъ, положена способность—развивать изъ тѣла новый слой перьевъ, если онѣ перелѣтаютъ въ холодный климатъ; эта способность подавляется въ нихъ, когда онѣ живутъ въ жаркомъ или умѣренномъ климатѣ. Но человѣку предопредѣлено обладать всею землею, слѣд., жить во всѣхъ климатахъ: потому въ его органической природѣ положены многообразныя начала для развитія изъ себя или задержанія въ себѣ извѣстныхъ отправленій, какія нужны для сохраненія его либо въ томъ, либо другомъ климатѣ. Когда одни изъ этихъ началъ въ организмѣ развиваются, а другія подавляются постояннымъ дѣйствіемъ климата, то принимаемыя имъ вслѣдствіе того формы суть племенные черты. Такъ зависитъ отъ климата цвѣтъ кожи. Подъ экваторомъ, отъ зноя онъ долженъ сдѣлаться съ теченіемъ времени чернымъ; на возвышенной Монголіи, отъ дѣйствія сѣверныхъ вѣтровъ—желтымъ; въ американскихъ теплыхъ полсахъ, отъ смѣшаннаго дѣйствія теплоты и влаги—красномѣднымъ.

См. о семъ Канта *Schrifte zur physischen ethnografie, Von den verschiedenen Razen des Menschengeschlechtes*. Также Herders—*zur Philosophie der geschichte...*

б) Но вторая племенная разность, именно образованіе черепа, должна имѣть глубочайшія причины, чѣмъ климатическія вліянія. Чтобы изъяснить ея происхожденіе, надобно вспомнить, что существо человѣка единично, что такъ называемая образовательная сила жизни есть не иное что, какъ сила души, только погруженная въ вещество и потому бессознательная. Естественно, что будучи силою души, она и въ образованіи тѣла и особливо той части тѣла, которая наиболѣе служитъ органомъ души, т. е. головы, должна управляться внутренно и бессознательно кореннымъ характеромъ и стремленіемъ души. Душа есть идея, сама себя художественно осуществляющая въ тѣлѣ.

Смотря по тому, выше или ниже, богаче или бѣднѣе, яснѣе или темнѣе бываетъ идея, душа,—выше или ниже, многостороннѣе или одностороннѣе, совершеннѣе или несовершеннѣе бываетъ и организація тѣла. Поелику же душа всегда отличается преобладаніемъ одного какого либо стремленія: то и въ самоосуществленіи себя въ тѣлѣ она должна развить въ немъ въ преимущественной степени ту систему органовъ, которая служитъ внѣшнимъ его представленіемъ и орудіемъ. Отсюда и должно произойти одностороннее образованіе всего организма. Такъ выдающіяся впередъ—у негровъ челюсть, а у европейцевъ чело суть наружный знакъ преобладанія—въ первыхъ чувственной наклонности, а въ послѣднихъ разсудительности.

в) Наконецъ, на образованіе тѣла весьма много долженъ имѣть вліянія и образъ жизни, или господствующее направленіе дѣятельности. Душа, осуществляющая свои намѣренія посредствомъ различныхъ членовъ и движеній тѣла, по свойству

той или другой духовной своей дѣятельности, производить известное измѣненіе въ положеніи и служащей къ выполненію оной системы тѣлесныхъ орудій, а потому мало-по-малу образуетъ послѣднюю въ отпечатокъ первой и такъ сазать осущестляетъ себя въ тѣлѣ. Отсюда происходитъ, что у каждаго сословія общественнаго есть свой типъ: есть свой особенный типъ у воина, у купца, у ремесленника, и земледѣльца и т. д. И это-то типы, въ главныхъ чертахъ ихъ, можно находить и у народовъ, ведущихъ такую или иную жизнь. Есть своеобразные типы у народовъ воинственныхъ, торговыхъ, ремесленныхъ и земледѣльческихъ. Такъ напр. тѣлословіе монгола не есть ли отпечатокъ кочующаго жителя степей?

б) Вотъ причины, изъ коихъ происходятъ физическія разности племень человеческого рода. Но эти физическія причины ведутъ къ предположенію высшихъ духовныхъ причинъ.

а) Если народы получили тѣ или другія черты отъ климата, то, спрашиваетъ Стеффенсъ, что же заставило ихъ — однихъ пойти въ тотъ, а другихъ, въ другой климатъ? Этого нельзя достаточно изъяснить безъ предположенія, что каждое племя въ избраніи мѣста жительства, руководилось господствующею своею склонностію. См. о семъ Windischmann Philosophie im Fortgang der weltgeschichte, Band 1-ter 2-te Abth. б) Преимущественное развитіе одной системы органовъ въ тѣлѣ предъ другими предполагаетъ преобладаніе и соответственной съ нею силы въ душѣ. Но откуда происходитъ это преобладаніе? Духу прилично не страдательно принимать въ себя отъ тѣла тотъ или другой образъ бытія, а напротивъ, самому предполагать и осуществлять его въ подвластномъ ему тѣлѣ, или если и принимать его отъ тѣла, то поколику самъ первоначально же хочетъ принять его. Слѣдовательно и преобладаніе въ себѣ известнаго стремленія душа должна первоначально сама въ себѣ допустить и потомъ уже до нему образовать известнымъ обра-

зомъ и тѣло, хотя въслѣдствіи сама должна невольно опредѣляться этимъ тѣлеснымъ образованіемъ. 7) Образъ жизни и дѣятельности, по крайней мѣрѣ, по первому его избранію, есть также дѣло свободы и обстоятельствъ, въ кои она себя поставила. Какъ же произошли духовные характеры племенъ?

Какъ органическое начало жизни, такъ и чисто духовное начало души по естеству своему есть общаго родоваго качества; но исходя изъ міра чистой возможности въ бытіе дѣйствительное принимаетъ извѣстное ограниченіе и опредѣленность отъ тѣхъ условій опытныхъ, среди коихъ раскрывается. Этихъ условій также три: а) вѣшнія мѣстныя вліянія природы, б) внутреннія движенія свободы, в) смѣшанныя, свободно-необходимыя отношенія и формы общественной жизни.

а) Вѣшнія мѣстныя вліянія природы непосредственно всего опредѣляютъ сознаніе. Душъ челоуѣка не иначе возбуждается къ свободному раскрытію своей дѣятельности, какъ сознаніемъ дѣйствительнаго бытія. Въ существѣ его in potentia, положены уже идеи всѣхъ вещей, т. е. общія начала для составленія понятій, напр. о минералахъ, растеніяхъ, животныхъ, челоуѣкѣ и т. п. Но при дѣйствительномъ образованіи оныхъ понятій, естественно, онъ долженъ взять въ соображеніе тѣ дѣйствительныя вещи, ископаемыя, растенія, животныя, людей, кои въ занимаемой имъ странѣ ему представляются: послѣднія суть матеріалы для духовно-образовательной силы разума. Посему естественно, что всякій народъ—ископаемыя, растенія, животныя и людей вообще представляетъ себѣ по тѣмъ растеніямъ, животнымъ и людямъ, кои онъ видитъ предъ собою. Ихъ отраженіемъ дѣлается у него и идея Бога.

Такъ образуется сознаніе народа, и по свойству своему возбуждастъ его такъ или иначе, къ такому или другому направленію дѣятельности. Посему и умственное образованіе каждаго

племени носить отпечатокъ той или другой занимаемой имъ части свѣта. Такъ напр. сознание негровъ отражаетъ на себѣ простоту, грубость и однообразіе африканскаго материка; сознание народовъ азіатскихъ—величіе азіатской природы, а сознание европейцевъ—опредѣленность, богатство и разнообразіе европейскихъ странъ.

б) Второй внутренній дѣятель въ образованіи характера, свобода, даетъ происхожденіе преобладанію извѣстнаго кореннаго стремленія сердца. Духъ человѣческій по естеству своему неопредѣленъ, общъ, безкачественъ, т. е. всѣ врожденныя побужденія (instus, Triebe), составляющія его природу, первоначально находятся въ немъ въ состояніи совершеннаго равновѣсія. Для того, чтобы онъ изъ состоянія сей неопредѣленности вышелъ и нравственно опредѣлился, для сего ему нужно стать, и Промыслъ поставляетъ его, подъ вліяніе вѣшнихъ обстоятельствъ, которыя бы, тронувши то или другое побужденіе, вызвали его къ рѣшимости удовлетворить или противодѣйствовать сему побужденію. Какъ скоро человѣкъ удовлетворилъ разъ извѣстному побужденію, такъ скоро прѣжнее состояніе его нравственной неопредѣленности кончилось, онъ далъ въ себѣ перевѣсъ одному стремленію своей природы надъ всѣми прочими; возвратиться въ прѣжнее состояніе неопредѣленности собственными силами для него, по непреложному закону естества, уже невозможно. Съ тѣхъ поръ его чувства, мысли, желанія и дѣйствія увлекаются въ слѣдъ одного сего стремленія. Повинуясь ему далѣе, онъ еще болѣе усиливаетъ и укореняетъ его въ себѣ, и передаетъ съ рожденіемъ своимъ дѣтямъ, а эти своимъ дѣтямъ, и т. д. Такимъ образомъ съ размноженіемъ семейства въ родъ и рода въ племя, оно становится коренною характеристическою чертою цѣлаго племени. Такъ напр. возбужденіе половой наклонности, обнаруженное Хамомъ въ насмѣшкѣ подъ обнаженнымъ отцемъ, сдѣла-

лось наследственной чертой въ характерѣ всѣхъ потомковъ Хамовыхъ, негровъ, и оказывается въ нихъ на многоженствѣ, наготѣ, слабости узъ между родителями и дѣтьми. Такимъ же образомъ племя Симово получило въ удѣлъ отъ родоначальника своего Сима религіозность, почему всѣ главнѣйшія религіи: еврейская, магометанская и хрестіанская явились въ этомъ племени. Богъ по преимуществу есть Богъ Симовъ (Быт. IX, 26). Наконецъ Іафетово (преимущественно кавказское) получило въ удѣлъ царственное господство надъ землею; вѣроятно въ награду за царственныя доблести Іафета. Да распространить Богъ Іафета (IX, 27).

γ) Наконецъ направленіе въ образъ свободной дѣятельности опредѣляется отношеніемъ челоѣка къ ближнимъ. Человѣкъ или народъ есть единичное я, лице, которое хочетъ сохранять себя среди другихъ подобныхъ ему лицъ столько же, сколько хочетъ быть и въ союзѣ съ ними. Союзъ съ подобными себѣ обобщаетъ и расширяетъ духъ народа, любовь въ самому себѣ сохраняетъ его самобытность среди другихъ, а тѣмъ и другимъ вмѣстѣ развиваются его силы и жизнь. Въ семъ случаѣ съ какими народами ни вступаетъ онъ въ сношеніе, для каждаго долженъ имѣть свой образъ защиты и самосохраненія: въ сосѣдствѣ съ воинственными народами, онъ долженъ изобрѣтать и самъ оружіе; въ соперничествѣ съ торговыми, долженъ заботиться о развитіи у себя торговли; противъ образованныхъ самъ долженъ соревновать образованности. А такимъ образомъ въ бореніи съ другими онъ развиваетъ и утверждаетъ свой характеръ. Посему, какъ скоро напр. негры удалились или удалены были изъ семейства всечеловѣческаго въ знойныя пустыни Африки, азіатскіе же народы расположились по обширнымъ пространствамъ Азии въ сосѣдствѣ, но вмѣстѣ и раздѣленіи другъ съ другомъ, а европейскіе народы сошлись и встрѣтились на маломъ пространствѣ Европы: то самъ уже отчасти рѣшены были

характеръ и судьба всѣхъ сихъ племенъ. Такъ: между европейцами, характеръ и направленіе дѣятельности напр. англійскаго народа отчасти рѣшены уже самымъ обособленнымъ и морскимъ его положеніемъ въ отношеніи къ прочимъ народамъ.

Этими тремя условіями образуется нравственный характеръ племени.

с) Но и внѣшнее положеніе народовъ въ разныхъ странахъ и внутреннія нравственные ихъ качества и сношенія взаимныя, всѣ и всецѣло, находятся подъ вѣденіемъ и управленіемъ Вседержителя. Съ высоты престола, на которомъ возсѣдѣтъ Онъ, видитъ Онъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ и взираетъ на всѣхъ живущихъ на землѣ (Псал. XXXII, 14. 15. 16). Онъ создалъ едиными сердца ихъ, Онъ и внигаетъ во всѣ дѣла ихъ, и держитъ судъ надъ народами. Онъ взвѣшиваетъ ихъ достоинство или недостоинство, и по своей волѣ посылаетъ одному ту, другому другую судьбу, на время или навсегда, какъ Ему благоудобно опредѣлить то; ибо кто постигнетъ суды Его?

Устами Ноя, въ его благословеніи дѣтямъ, Онъ опредѣляетъ племени Хамову—рабство, Симову—священство, Іафетову—царство, и доселѣ исполняется неизмѣнно Его опредѣленіе. Дерзнемъ ли спросить: за что одно племя Имъ отвержено, а другое благословлено, и благословлено одно такъ, а другое иначе? Богъ, какъ существо безконечное, имѣетъ безконечное право осуществлять свои вѣчныя цѣли; и слѣд. безконечное право требовать отъ тварей, чтобы онѣ совершенно посвящали себя въ служеніе Его цѣлямъ; слѣдовательно безконечное право и отвергать тѣхъ, кои содѣлаютъ себя неспособными къ сему служенію и благоизбирать тѣхъ, кои содѣлаютъ себя способными на то орудіями. Вотъ почему одни племена дѣлаются *сосудами въ честь*, а другія отвергаются, какъ *сосуды не въ честь*, и изъ первыхъ одному племени опредѣляется такое, а другому другое употребленіе. Впрочемъ всѣ

пути Господни милость и истина. Племя Хама, коренною и невывученною испорченностью сердца, само себя содѣлало неспособнымъ для выполнения высшаго назначенія, а потому и отвержено Богомъ;—оно само унизило и поработило въ себѣ духъ чувственнымъ наклонностямъ, а за то самое, въ наказаніе, унижено и предаво Промыслѣ Божіемъ въ рабство стихіямъ природы и прочимъ племенамъ, для того, чтобы самая гадость униженія рабства возбудила въ немъ желаніе духовной свободы. Посему-то, поклоняясь фетишамъ, негры въ глубинѣ души своей чувствуютъ потребность истинной вѣры. На вопросъ: за чѣмъ они поклоняются звѣрю,—негры отвѣчали однажды европейцамъ: мы должны довольствоваться пока этимъ богомъ; лучший Богъ, который сдѣлалъ столько добра бѣлымъ намъ еще не открылся (Prichard, Band. s. 97). Племя Симоно, къ коему принадлежитъ большая часть азіатскихъ народовъ, избрано Богомъ на служеніе религіи; но и оно пользуется благословеніемъ, пока его заслуживаетъ. Чтобы видѣть это, надобно только вспомнить, какъ страшно Богъ каралъ идолопоклонниковъ изъ сего племени въ народахъ ассирійскихъ самими ихъ идолопоклонствомъ. Народы европейскіе благословлены Богомъ паче всѣхъ народовъ; но и въ нихъ исторія, по мѣрѣ того, какъ они измѣняютъ висоному своему избранію, немедленно идетъ, по слѣдамъ ихъ преступленій, строгій и величепріятный судъ Божій.

III. Характеристика главныхъ племенъ рода человеческого.

1) Африка есть жилище племени негровъ. Взойшая почва ея, возвышенность средины, отвѣсные лучи солнца съ непреодолимою силою дѣйствуютъ на сихъ грубыхъ сыновъ природы, такъ что они досель погружены въ совершенную завя-

симость отъ нея. Основной ихъ характеръ есть *чувственность*. Выдающаяся впередъ нижняя челюсть рта, вмѣстѣ съ подавленнымъ и откинутымъ назадъ лбомъ, обнаруживаетъ въ нихъ преобладающую наклонность къ *пищѣ и питію*; а сильно развитый и выдающийся затылокъ есть признакъ сильно развитаго въ нихъ *половаго побужденія*—Такииъ образомъ чувственное наслажденіе есть главная господствующая ихъ цѣль; къ другимъ, высшимъ цѣлямъ жизни они не оказываютъ почти никакого интереса; они живутъ только *настоящими*, имъ дорогá—минута. Такъ какъ страсть вообще знаетъ только два состоянія, между коими она постоянно колеблется,—состояніе покоя и возбужденія: то и негры представляются либо мирными, добродушными, послушными; либо приходятъ въ неистовство и ярость и все разрушаютъ и ниспровергаютъ.

Первая черта постояннѣе въ африканцахъ, вторая въ переселенцахъ съ нея—черныхъ малайцахъ.—Что любятъ они болѣе всего, то и обожаютъ, именно природу и при томъ не въ общей ея жизни, а въ частныхъ ея предметахъ: ихъ религія есть *фетишизмъ*; они ожидаютъ и молятъ себѣ помощи отъ какого либо камня, рѣки, змѣи, и если не получаютъ ее, то тотчасъ же и отвергаютъ своего бога, потому что страсть, что сама себѣ поставила въ предметъ поклоненія, то и отвергнуть можетъ. Они не имѣютъ настоящаго понятія о зависимости своей отъ Верховнаго существа, а чтутъ его только ради своихъ чувственныхъ цѣлей. Т. е. чувственность есть ихъ богъ и кромѣ ея нѣтъ бога. По этой причинѣ они не могутъ имѣть надлежащаго уваженія и къ человѣческой природѣ своей, ибо въ человѣкѣ настоящій предметъ достойный уваженія есть не земная его природа, а образъ Божій.

Посему они смотрятъ другъ на друга только окомъ страсти, или какъ на предметъ ненависти и вражды. Первое побужденіе служить у нихъ дружиною всѣхъ союзовъ, а второе

отсутствія или неустойчивости всякаго общественнаго порядка. Тиранство, рабство, многоженство, торговля людьми, людоедство и проч.,—все это суть прямыя слѣдствія этого отсутствія въ нихъ истинно—человѣческаго чувства. Естественно, что всякій изъ нихъ порознь не чувствуя въ себѣ самомъ достоинства, не требуетъ себѣ правъ и отъ другихъ, и почитаетъ себя какъ бы обреченнымъ на всегдашнее ничтожество, и не переноситъ даже за предѣлы гроба лучшихъ награды.

Какъ сердце ихъ не устремляется желаніемъ своимъ за предѣлы чувственнаго міра, такъ и мысль ихъ не возмывается къ чисто умственнымъ предметамъ и къ отвлеченнымъ понятіямъ: посему и *знанія*, науки въ собственномъ смыслѣ у нихъ также нѣтъ. Но *чисто конкретныя понятія*, т. е. опредѣленныя практическія свѣденія о предметахъ, они могутъ усвоить.—Почему бывали изъ нихъ хорошіе врачи, ариѳметики, торговцы, механики и проч.,—по преимчивости. Впрочемъ, издавна живя въ глубокой связи и сочувствіи съ природою, они уловляютъ иногда нѣкоторыя тайны ея, но опять не столько мыслию раздѣльною и послѣдовательно развивающеюся, сколько простымъ, непосредственнымъ чувствомъ естественнымъ.—Это знаніе у нихъ есть т. н. *ворожба*, а практическое его употребленіе—*чародѣйство*.

Послѣ сего и общественнаго благоустройства, въ собственномъ смыслѣ, конечно у негровъ и быть не можетъ. Единственнымъ началомъ для образованія какого либо общества у нихъ служить *чувственный произволъ съ энергіею воли*; потому что о правахъ и обязанностяхъ они почти—во все не имѣютъ настоящаго сознанія. Цѣлю общества служить у нихъ отнюдь не обезпеченіе личности каждаго разграниченіемъ правъ и обязанностей подъ защитою верховной власти,—а чувственное благополучіе каждаго, сколько оно можетъ быть достигнуто различными связями людей подъ управленіемъ од-

ного, который также въ этомъ порядкѣ ищетъ своей пользы. Правленіе у нихъ родовое. Глава народа, царь, управляетъ нѣтъ чрезъ родовладельцевъ. Судьба всѣхъ обществъ у негровъ есть колебаніе между деспотизмомъ и анархіею. — Царь какъ, доколѣ владычествуетъ, безусловно владѣетъ всѣмъ достояніемъ и жизнью подданныхъ: но когда владычество его становится невыносимымъ, то подданные его тотчасъ возмущаются противъ него, убиваютъ его и весь родъ его и овладѣваютъ всѣмъ его имуществомъ. Эти отношенія цѣлаго племени повторяются и въ колѣнахъ, его составляющихъ; а наконецъ и въ самыхъ семействахъ ихъ. У нихъ повсюду и вездѣ сильныя угнетаютъ слабыя, продаютъ ихъ въ рабство и убиваютъ; а слабыя или терпятъ, или возмущаются и изпроверяютъ.

Словомъ: одинъ взглядъ на это племя тотчасъ показываетъ, что оно сохранило на себѣ нравственную печать своего праотца Хама и доселѣ носитъ его проклятіе. Самый цвѣтъ ихъ кожи есть цвѣтъ матерія, которой они поработили себя душою — *черный*.

II) *Племя монгольское* распространяется по Азии. — Духъ человѣка въ этомъ племени выходитъ изъ непосредственнаго, чувственнаго единенія съ природою, свойственнаго неграмъ, приходитъ въ себя и чувствуетъ безсмертныя стремленія, движущіяся въ его глубинѣ, живетъ въ себѣ, т. е. во времени *прошедшемъ*. — Азія — огромнѣйшая часть свѣта, страна высочайшихъ горъ, неизмѣримыхъ степей, величайшихъ рѣкъ, самыхъ роскошныхъ прозябеній, самыхъ разнообразныхъ животныхъ. Это величіе природы овладѣваетъ духомъ человѣческимъ и раскрываетъ въ немъ идею безконечнаго: посему народы азіатскіе отличались глубокимъ чувствомъ, высшей фантазіею и религіозностію. Здѣсь лучше сохранились и первобытныя религіозныя преданія; и если некажались иногда, то

Богъ находилъ здѣсь по крайней мѣрѣ довольно чистые умы, чтобы въ нихъ поддерживать вѣру сверхъестественными откровениями, или же духъ человѣческій самъ отпади отъ Бога, и движимый потребностію религіи углублялся въ себя и измышлялъ ее для себя самъ. Онъ всюду носить теперь съ собою идею единого безконечнаго Бога, но безъ помощи откровенія не можетъ отличить Его отъ природы, и чтить Его, какъ живнѣ вселенной, какъ субстанцію природы. *Государства* образуются здѣсь по вѣруемому внушенію Высшаго промисла и цари управляютъ народами во имя существа Верховнаго: по сему устройство ихъ болѣе или менѣе *теократическое*. *Наука* здѣсь рассматриваетъ твореніе Божіе, но не испытующимъ окомъ разума, а окомъ вѣры сердечной: почему, доколѣ сіе послѣднее око сердца было свѣтло, духъ приходилъ непосредственнымъ созерцаніемъ къ истинамъ, до коихъ не достигаетъ и нивѣшній метафизическій умъ; а какъ скоро оно затмѣвалось, онъ дѣлался жертвою мечтаній и заблужденій. *Искусство* истощалось въ усиліяхъ выразить идею безконечнаго посредствомъ наружнаго величія: отсюда пирамиды, пароды, высечіе сады, огромныя башни и т. под., *Нравы* колеблются между противоположными крайностями: между чистымъ духомъ и совершенною плотію. Почему мы видимъ здѣсь нерѣдко величайшіе подвиги фанатичнаго самоумерщвленія въ сосѣдствѣ съ самою грубою и низкою чувственностію. Вообще мы видимъ въ семъ племени стремленіе духа къ безконечному, преданность вышнему порядку, вѣрность преданіямъ, жизнь сердца: но вмѣстѣ съ тѣмъ находимъ, что духъ человѣческій здѣсь не нашель еще ни въ себѣ, ни въ себѣ твердой основы для своего убѣжденія и дѣйствованія, нигдѣ, кромѣ одного народа Божія.

III) *Кавказское племя* населяетъ часть Азии и всю Европу. Уже бѣлый цвѣтъ кожи, свойственный этому племени, служить наружнымъ знаменіемъ, что духъ человѣческій

здѣсь обращенъ не къ веществу земному, а къ умственному свѣту. Выдающееся впередъ чело свидѣтельствуешь о преобладаніи въ немъ разума надъ склонностями сердца. Изъ азіатскаго самоуглубленія въ себя, онъ снова выходитъ теперь въ міръ дѣйствительный, сознаетъ природу, какъ противоположность свою и вступаетъ въ борьбу съ нею. Народы, движимые стремленіемъ къ обладанію природою, встрѣчаются между собою, вступаютъ въ соотношенія и борьбу, и обобщаютъ понятія и нравы, научаются уважать взаимно права одинъ другаго, сизятся вмѣстѣ устроить благо общественное. Частію преданія древнія, а паче всего благодатное Христово ученіе просвѣщаютъ ихъ свѣтомъ и указуютъ имъ цѣль въ будущемъ; они одушевляються чувствомъ своего назначенія и устремляются къ его достиженію. Почему *исторія* человѣчества принадлежитъ преимущественно сему племени, — оно живетъ *будущимъ*. Сіе племя Богъ обрѣлъ достойнымъ *религіи христіанской*, назначенной вмѣстѣ для всѣхъ племенъ. Она есть поклоненіе Богу не только Единому, но и Трїединому, — не какъ субстанція вселенной, но какъ чистому, надъ всѣмъ превознесенному, *Духу* и не только Творцу и владыгѣ челоѣческаго рода, но *Богу и челоѣку вмѣстѣ*. — Такимъ образомъ по мѣрѣ того, какъ духъ челоѣка обращается къ Богу, Богъ снисходитъ къ челоѣку, и христіанская религія есть сей таинственно-торжественный союзъ Бога и челоѣка. *Искусство* здѣсь стремится выразить чувства и мысли духа, одушевленнаго сознаніемъ вышшаго въ себѣ самомъ. *Наука* домогается постигнуть Божественную истину откровенія и распространить свѣтъ ея на всѣ вещи; *законодательство* хочетъ опредѣлить права всѣмъ членамъ общества. Правы имѣють характеръ людскости, взаимнаго уваженія и признанія.

IV) *Племя американское* есть смѣшеніе племенъ монгольскаго и африканскаго, кромѣ пришлаго населенія евро-

пейцевъ. Объ немъ ничего нельзя сказать опредѣленнаго, потому что собственная самородная жизнь народовъ этого племени прошла, а нынѣ они живутъ большею частію въ порабощеніи, безъ собственного характера, и видимо, съ возрастающею прогрессіею, умалются въ числѣ и сходятъ со сцены міра...

Частиѣйшая характеристива замѣчательнѣйшихъ въ исторіи человѣческаго рода народовъ.

Исторія начинается на востокѣ, а потому и намъ нужно начать характеристику съ восточныхъ народовъ. Изъ нихъ прежде всего обращаютъ на себя вниманіе *китайцы*.

Китай есть страна огражденная со всѣхъ сторонъ: съ сѣвера—степями, съ запада—горами, съ востока и юга—моремъ;—оттого китайцы остались народомъ, замкнутымъ въ себя. Вслѣдствіе этой самозамкнутой жизни, они представляютъ картину патриархальнаго быта: какъ въ патриархальныхъ обществахъ глава семейства есть вмѣстѣ и безусловный владыка жизни и смерти, посредникъ между небомъ и землею и провозвѣстникъ воли Божественной: такъ и въ Китаѣ императоръ есть безусловный владыка своихъ подданныхъ, независимый законодатель и судія, великій жрецъ—представитель Божества и провозвѣстникъ воли небесъ. Отсюда происходитъ то, что китайцы всегда жили мирно, подъ скипетромъ своихъ государей, безъ всякихъ возмущеній. *Религія* китайцевъ имѣетъ практическое направленіе; простой народъ не знаетъ для чего нужно такое или другое учрежденіе: это извѣстно императорамъ, жрецамъ и вообще людямъ высшаго сословія. И съ наукъ все вниманіе китайцевъ обращено на практическія знанія; и это между прочимъ зависитъ отъ свойства ихъ страны.

Весь Китай процитывается только южною полоскою своею, а сѣверная полоса его бесплодна: посему китайцамъ нужно серьезно позаботиться о томъ, чтобы не цвсвало ихъ пропитаніе. — Изъ наукъ процвѣтають у китайцевъ: географія, статистика и естественная исторія. Философіи умозрительной у нихъ вовсе нѣтъ. Конфуцій и другіе мудрецы ихъ были учителями нравственности и политики. И *искусства* у китайцевъ стоять также на низкой степени; они не стремятся выражать идей и ограничиваются большею частію рабскимъ подражаніемъ природѣ. *По характеру* своему китайцы народъ гордый, высокомерный въ отношеніи къ другимъ, скрытный, но въ высшей степени трудолюбивый и промышленный; потому что вся цѣль ихъ жизни—земля. Въ союзѣ съ другими народами они видать и преслѣдуютъ одни только земныя, вещественныя выгоды жизни.

Индія представляетъ чрезвычайное разнообразіе типовъ природы и удивительныя сокровища произведеній во всѣхъ царствахъ. Климатъ здѣсь чрезвычайно разнообразный. Такъ—въ Деканѣ въ одно и тоже время можно видѣть лѣто, зиму, осень и весну. Сообразно такому разнообразію и богатству природы въ ней образовались и различныя типы народовъ; ибо чѣмъ богаче и разнообразнѣе природа, тѣмъ роскошнѣе развивается и народный характеръ. Отсюда у индійцевъ образованіе такъ обширно, что Индію можно бы почитать колыбелью и источникомъ образованности всей Азии. Подъ вліяніемъ роскошной природы у индійцевъ образовался характеръ мечтательный и чувствительный. Въ этомъ народѣ особенно сильно развито и глубоко запало въ душу чувство грѣховности: земная жизнь на его взглядъ есть время изгнанія, раскаянія и исправленія. Все *законодательство* индійцевъ направлено къ тому, чтобы расположить человека къ покаянію. И *наука* у нихъ имѣетъ главную цѣлю—указать средства къ освобожденію отъ житей-

скаго, установить правильный взгляд на земное, какъ несущественное. Наконецъ, и ихъ религія направлена къ тому, чтобы показать человѣку изгнаннику истинный путь возвращенія къ Богу,—путь пролегающій чрезъ самоотверженіе.

Египетъ есть долина низкая, продолговатая и орашаемая Ниломъ. Весь бытъ и благосостояніе египтянъ зависитъ отъ разлитія этой рѣки; а посему неудивительно, если характеръ ихъ носитъ отпечатокъ мѣстности. Во время разлитія Нила, они должны общими силами заботиться о предотвращеніи опасности,—отсюда у нихъ замѣтно единодушіе. Опасеніе, что Ниль не будетъ разливаться, пронзодитъ въ нихъ страхъ: но Ниль не измѣняетъ имъ никогда,—отсюда ихъ радость. Это—постоянное колебаніе между страхомъ и надеждою, равно какъ и видъ песчаныхъ бесплодныхъ степей, съ которыми граничатъ цвѣтущія долины нильскія, образовали въ египтянахъ характеръ меланхолическій, чуждый впрочемъ угрюмости. Далѣе—постоянный разливъ и отлив Нила приучилъ египтянъ къ наблюдательности и правильности во всемъ. Какъ скоро онъ разливался, то обыкновенно смѣшивалъ всѣ границы; поэтому египтянамъ нужно было полагать новое, болѣе прочное разграниченіе своихъ земель,—по наблюденіямъ неба; отсюда Египетъ представлялъ правильно размежеванную страну. Въ войскахъ египетскихъ также существовала удивительная правильность. Тоже и въ цѣломъ общественномъ устройствѣ; касты у нихъ раздѣлены были весьма строго, и по закону никто не могъ переходить изъ одной въ другую; каста жрецовъ при этомъ была господствующею: ибо въ Египтѣ весьма много цѣнились науки и гаданія, а онѣ извѣстны были только жрецамъ; они знали астрономію, медицину и проч. Впрочемъ, въ наукахъ ихъ незамѣтно одного, чисто реального направленія: духовное смѣшано въ нихъ съ вещественнымъ. Математически точная правильность видна и въ духовномъ міросозерцаніи

египтянъ. Царство духовъ они представляли себѣ возвышающимся подобно пирамидѣ; вершину его занимаетъ высочайшій Богъ, а за Нимъ слѣдуютъ въ нисходящемъ порядкѣ, все болѣе и болѣе умножаясь, прочіе духи. Религія египтянъ также представляетъ смѣсь вещественнаго съ духовнымъ: но духовная сторона ея потерялась для народа въ бездушныхъ символахъ. Наконецъ въ искусствахъ египтянъ замѣтна опредѣленность, правильность и практическое направленіе.

Изъ народовъ *передней Азии* замѣчательны въ исторіи: *авилоняне, персы, іудеи, финикіяне и армяне.*

Вавилонія— страна роскоши: богатство естественныхъ произведеній и обширная торговля вавилонянъ, которой благопріятствовала сама природа, расположили ихъ къ роскоши, а роскошная жизнь развила въ нихъ тщеславіе, извѣженность, сладострастіе и въ концѣ концовъ совершенно убила въ нихъ природную силу и крѣпость духа. Это духовное разслабленіе и извѣженность видны у нихъ во всемъ. *Науки* въ собственномъ смыслѣ у нихъ не было, а существовали только такія практическія занятія, которыя благопріятствовали и служили роскоши. *Религія* ихъ также носила на себѣ отпечатокъ извѣженности и сладострастія.

Персы представляютъ противоположность вавилонянамъ, по духу мужества. Занимая страну возвышенную и гористую, персы естественно привыкли къ чувствамъ величія; а положеніе ихъ между дикими народами заставило ихъ всегда держать мечъ въ рукѣ для отраженія непріятелей. Этотъ воинственный духъ персовъ отражается и въ *религіозномъ ученіи ихъ*; гдѣ два божественныя начала, доброе и злое—Ормуздъ и Ариманъ ведутъ непрерывную между собою брань, въ которой принимаютъ участіе весь духовный міръ, родъ человѣчскій и вся природа. Поелику главное занятіе персовъ составляла война, то и въ общественномъ ихъ устройствѣ сословіе воиновъ, постѣ

царской власти, почиталось первымъ; а во время войны и весь народъ вообще становился поголовно въ разрядъ воиновъ и долженъ былъ идти на войну. При воинственномъ и мужественномъ своемъ духѣ, персы отличались въ тоже время какою то особенною величавостію, благородствомъ и великодушіемъ. Такъ напр. въ отношеніи къ покореннымъ ими народамъ, они никогда не были жестокими тиранами, притѣснителями, они требовали отъ нихъ только дани и покорности. Кочевой характеръ персовъ ясно выражался и въ образѣ жизни ихъ царей: они попеременно жили то въ Экбатанѣ, то въ Персеполѣ и Сузѣ. Впрочемъ персы не навсегда сохранили воинственный духъ свой; въ послѣдствіи, когда они побѣдили мидянъ, лидянъ и вавилонянъ, они научились у сихъ народовъ проводить жизнь въ роскоши,—и въ слѣдствіе этого мало-по-малу изнѣжились, разслабѣли и выродились: природная величавость ихъ духа превратилась въ тщеславіе, благородство въ вычурную манерность и изысканность.

Иудеи имѣютъ характеръ, сколько имъ самимъ принадлежащій, столько же и Богу. Ибо Самъ Богъ воспитывалъ народъ еврейскій и въ откровеніи Своемъ имъ, съ одной стороны, принаровлялся къ нему, а съ другой—приспособлялъ его къ Себѣ. Намъ извѣстно, что въ этомъ народѣ устройство было теократическое. Религія дана ему Самимъ Богомъ и возвышала его надъ всѣми чувственными къ небесному. Въ отношеніи къ евреямъ всѣ прочіе народы какъ бы осуждены на рабство. Съ теченіемъ времени теократія начала какъ бы ослабѣвать и смѣняться правленіемъ царей. Но и во времена царей она однакожъ не прекращается совершенно; ибо въ это время являются у нихъ пророки, которые были посредниками между Богомъ и народомъ избраннымъ. Наука въ этомъ народѣ имѣетъ характеръ сверхъестественный. Въ поэзіи обнаруживается характеръ живой и возвышенный: пластика не могла существо-

вать у евреевъ, быстро порывы чувства не могли давать мѣста симметріи. Языкъ евреевъ не имѣетъ ничего чуждаго; онъ развился самъ изъ себя, отличается необыкновенною гибкостью, всѣ формы его получили жизнь и глубину отъ Божественнаго духа.

Характеръ *финикійскій* опредѣлялся мѣстностію. Видъ Средиземнаго моря возбуждалъ въ нихъ духъ предпріимчивости. Съ другой стороны безплодіе страны заставило финикійскія почувствовать, что одинъ только трудъ и торговля съ другими народами могутъ быть для нихъ источникомъ продовольствія. Посему они вскорѣ обратили вниманіе на кораблестроеніе, которому благопріятствовали ливанскіе лѣса, и стали заниматься мореплаваніемъ и торговлею. Всѣ занятія ихъ имѣли характеръ реальный. Религія олицетворяла ихъ склонности. Бога они представляли себѣ покровителемъ морской торговли; символомъ его служила рыба. Въ высшихъ наукахъ они не сдѣлали великихъ успѣховъ. Будучи всегда заняты торговлею, они не имѣли времени спокойно заниматься ими. Изящныхъ искусствъ также не было у финикійскія.

Жители *Арменіи, Грузіи и Кавказа* представляются безхарактерными. Это потому, что они обитаютъ на границѣ двухъ странъ—Европы и Азіи и участвуютъ во всѣхъ движеніяхъ народовъ той и другой страны. Они все перенимаютъ отъ нихъ; отъ того характеръ ихъ слишкомъ неопредѣленъ.

Греція раздроблена на многія мелкія и самостоятельныя части самою природою: такъ—Целопонесъ представлялъ собою отдѣльную страну; Фессалія обрамлена хребтомъ горъ; Фовида, Локрида и Эпиръ также рѣзко отграничиваются отъ всѣхъ другихъ частей Греціи. Оттого здѣсь не могло быть монархическаго правленія, и Греція была роднымъ мѣстомъ республики. Благоприятный климатъ ея способствовалъ къ развитію въ грекахъ чувства врасоты; подъ вліяніемъ его воображеніе гре-

новъ получило пареніе идеальное. Сознаніе индивидуальности и личности, которое развилось у грековъ подъ вліяніемъ республиканскаго правленія, отразилось и въ религіи ихъ. Она носитъ на себѣ характеръ человѣческой. Если на востокѣ человѣческой духъ какъ бы поглощается безконечнымъ; то здѣсь напротивъ онъ создаетъ себѣ бога по своему человѣческому образу.

Науки у грековъ имѣютъ характеръ истиннаго, непосредственнаго убѣжденія. Живаго чувства и вкуса въ изящныхъ искусствахъ—особенно въ пластикѣ—ни одинъ народъ не выразилъ съ такою силою и точностію, какъ греки, чему способствовала какъ естественная, непосредственная гармонія ихъ духа съ природою, такъ и человѣкообразная религія.

Римляне, вопреки климатическому вліянію, сдѣлались народомъ воинственнымъ. Первые поселенцы Рима ничего не имѣли собственнаго: имъ все нужно было пріобрѣтать мечемъ—и землю, и жень и боговъ. Отъ этого и самая религія ихъ приняла характеръ воинственный: главный богъ римлянъ, Марсъ—былъ богомъ войны; термины—боги границъ, фортуна—богиня воинской удачи. Науки у римлянъ не были ихъ собственнымъ произведеніемъ, а заимствованы отъ грековъ: знаменитый Вергилій подражалъ Гомеру, а Горацийъ былъ поэтъ эпикурейскій. Вообще о наукахъ римскаго народа можно сказать, что это было растеніе Эллады, перенесенное на берега Тибра.

Теперь нужно начертить характеристику высшихъ европейскихъ народовъ. Начнемъ съ испавцевъ.

Испанія есть страна довольно гористая;—эта возвышенность мѣстоположенія дѣлаетъ характеръ испавцевъ возвышеннымъ, гордымъ. Въ религіи они любятъ величіе. Это самые жаркіе фанатики католицизма, въ которомъ мѣждество великодушныхъ обра-

довъ. Законодательство ихъ носитъ характеръ гордости и признанія собственнаго величія. Науки у нихъ собственно нѣтъ. Поэзія имѣетъ характеръ выпревной, романтической. Въ особенности испанцы любятъ драму, гдѣ обыкновенно разыгрываются высокія роли. Наконецъ языкъ ихъ величественъ, обороты его великолѣпны.

Италія занимаетъ средину между Испанією и Грецією. Посему италіанцамъ принадлежатъ средина между греческою живостію и гордостію испанцевъ. У нихъ тоже замѣтна гордость, но проникнутая глубокимъ чувствомъ. Горы въ Италіи то возвышаются, то смѣняются пріятными долинами; оттого у нихъ высокое соединяется съ прекраснымъ. Благословенный климатъ, нѣжность природы имѣютъ великое вліяніе на образованіе ихъ эстетическаго вкуса: оттого у нихъ процвѣтаютъ изящныя искусства. Языкъ ихъ, самый гармоническій, носитъ на себѣ отпечатокъ нѣжности климата и мягкости воздуха. Въ общественной жизни италіанцы любятъ помпу, но за то въ домашней—небрежны; ихъ художественная фантазія стремится жить не дѣйствительнымъ, а идеальнымъ. Въ законодательствѣ ихъ замѣтенъ духъ республиканскій; монархическое начало въ Италіи слишкомъ ограничено.

Франція есть страна умѣренная. Посему здѣсь холодная мысль находится въ равновѣсіи съ чувствомъ. Въ религіи французы отдаютъ преимущество католицизму, но не предаются ему слѣпо: это видно изъ того, что они отторглись отъ безусловнаго владычества папы. Въ наукахъ у нихъ также усматривается какая-то умѣренность и серединность. Далекихъ и глубокихъ изслѣдованій нѣтъ, но есть всѣ науки. Мысль французовъ берется за все, но ей недостаетъ терпѣнія проникать въ глубочайшія основанія предметовъ. И въ законодательствѣ французы востанавливаютъ на равновѣсіи монархическаго начала съ республиканскимъ,—власти и свободы, что доказывается ихъ

конституцію. Въ изящныхъ искусствахъ французовъ незамѣтно творчества, ибо у нихъ чувство ограничивается мыслию. Господствующая склонность ихъ есть склонность къ общезнанию: оттого у нихъ развита людскость. Языкъ ихъ имѣеть характеръ съ одной стороны благозвучный, съ другой положительный. Онъ способенъ къ выраженію самыхъ ясныхъ понятій, но не имѣеть въ себѣ оригинальной глубины и силы выраженія.

Англичане представляютъ собою перевѣсъ мысли надъ чувствомъ, мысли, углубленной въ саму себя. Уединенность ихъ острова и мрачность природы образовали въ нихъ характеръ меланхолическій, самозамкнутый. Эгоизмъ ихъ отпечатлѣвается и на самой вѣрѣ ихъ, которую англичане создали сами изъ соединенія реформатской и римской. Въ наукахъ у нихъ обращено вниманіе преимущественно на положительное: причина этого также мѣстная. Англійскій полуостровъ слишкомъ тѣсенъ; и такъ англичанамъ нужно позаботиться о томъ, чтобы достало пропитанія для 24,000,000 жителей. Поэзія англичанъ имѣеть характеръ глубокой, величественный, но любитъ описывать болѣе дѣйствительное, нежели теряться въ идеальномъ. Въ обращеніи съ другими англичане несносны; у нихъ всюду и во всемъ проявляется чувство и мысль, что они выше всѣхъ, что никто ихъ недостоинъ. Въ законодательствѣ у нихъ замѣтенъ перевѣсъ народнаго начала надъ монархическимъ. Эгоизмъ ихъ магнатовъ всегда служилъ и служитъ ограниченіемъ для государей.

Нѣмцы, живущіе въ Швеціи, Норвегіи и Даніи отличаются отъ тѣхъ, которые обитаютъ въ Германіи. Отъ суроваго климата зависить то, что у первыхъ нѣтъ энергіи и живой производительности. Въ древнія времена они прославились мифологію, которая запечатлѣна характеромъ мужества. И позднѣйшая поэтическая дѣятельность ихъ также запечатлѣна суровою важною. Нѣмцы же, живущіе въ Пруссіи, Германіи и Австріи имѣють характеръ флегматическій, равнодушный. От-

того всё науки по нимъ; за то въ наукахъ они любятъ отрѣшаться отъ дѣйствительнаго и частнаго, и обращаться ко всеобщему и идеальному. Что касается до религій, то они взяли изъ нея только то, что доступно разуму, такъ какъ у нихъ преобладаетъ мысль надъ чувствомъ. Оттого въ религій нѣмецъ очень немного таинствъ. Въ изящныхъ искусствахъ они наклонны къ идеальному. Къ драмѣ они неспособны; потому что драма требуетъ глубокаго посвященія духа въ дѣйствительность: лирическая поэзія болѣе по ихъ характеру. Въ житейскомъ отношеніи нѣмцы мирны, регулярны, тихи.

Россія въ отношеніи къ западу представляетъ противоположность. Тамъ большею частію мелкія государства, отдѣленные одно отъ другаго самою природою: посему въ западныхъ государствахъ преобладаетъ начало личности, индивидуальности. Въ Россіи, напротивъ, видимъ, сліяніе племенъ, которому благоприятствуетъ ея ровное мѣстоположеніе; у насъ развивается та мысль, что различныя племена должны сплавиться въ одинъ народъ. Характеръ русскій есть характеръ универсальный. Постоянное сношеніе Россіи съ востокомъ привнесло въ нашъ характеръ элементъ восточный. Но съ другой стороны русскіе питаютъ сочувствіе и къ западу, они любятъ и перенимаютъ все, что есть лучшаго на западѣ. Съ этою универсальностію русскаго характера согласны многія высокія черты, замѣчаемыя въ немъ. Въ числѣ этихъ чертъ заслуживаютъ особеннаго вниманія: необыкновенная терпѣливость русскаго народа, всеобщая уживчивость, великодушіе, благодушіе, прямота и открытость характера, отсутствіе въ немъ страстной раздражительности, порывистости и пр... Необыкновенную терпѣливость свою показали русскіе во время ига татарскаго; отсутствіе въ немъ страстности и порывистости видно между прочимъ въ томъ, что все въ немъ образуется и преобразуется нескоро; но за то, что медленно развивается, то

глубоко утверждается. Медленно зрѣютъ у него науки: это оттого, что онъ еще не нашелъ основанія, на которомъ бы могъ развить свои идеи. Но это отнюдь не есть недостатокъ, напротивъ предполагаетъ въ немъ великую обдуманность, неторопливость и осмотрительность. Это ровное, спокойное настроеніе духа отражается между прочимъ и въ тонѣ его народной пѣсни, смѣняясь впрочемъ на время шумнымъ и стремительно-быстрымъ пѣсеннымъ разгуломъ. Замѣчательно, что намъ русскимъ не могутъ нравиться пѣсни западныя: онѣ слишкомъ тѣсны для широкаго русскаго духа. Великодушіе русскихъ обнаруживалось во многихъ случаяхъ; но особенно въ 1812 году, когда Россія жертвовала всѣмъ для блага Европы.

Что касается до вѣры русскаго народа, то она не чуждается въ немъ размышленія. Въ духѣ нашей церкви нѣтъ того деспотизма, какой въ церкви западной, гдѣ запрещаютъ даже читать Библію и хотять держать умы въ порабощеніи. Самый простой народъ у насъ никогда не чуждался размышленія о вѣрѣ; отъ сего-то и произошли въ немъ расколы. По отношенію къ догматикѣ, церковь наша сходствуетъ съ католическою, но чуждается католической помпы и болѣе настаиваетъ на духѣ и смыслѣ.

Законодательство наше основывается на томъ главномъ началѣ, чтобы уравновѣшены были права человѣка, какъ члена общества—въ необходимомъ его подчиненіи монарху. На востоцкѣ господствуетъ деспотизмъ; на западѣ почти нѣтъ верховной власти; средину между деспотизмомъ и конституціонною вольностію занимаетъ наше *самодержавіе*.

Въ философскомъ отношеніи мы—русскіе еще не отличились ничѣмъ самостоятельно-оригинальнымъ. Но можно замѣтить, что отвлеченныя діалектическія умозрѣнія, подобныя нѣмецкимъ, едвали примутся на почвѣ нашего духа. Мы съ

трудомъ и понимаемъ этого рода философствованіе. Но съ другой стороны у насъ едвали разовьется и чисто эмпирическая философія, подобная англійской. Можно гадать, что философія у насъ будетъ имѣть характеръ преимущественно религіозный; ибо религія глубоко укоренилась въ нашемъ духѣ, и вошла въ самое существо его ¹⁾.

III. О Л Ю Б И

Разсматривая полы, мы а) покажемъ, что есть общаго въ нихъ, извлечемъ идею человѣка изъ половыхъ ея противоположностей; б) представимъ характеръ каждаго изъ половъ по-рознь; в) покажемъ взаимное ихъ отношеніе—союзъ любви, и наконецъ д) опредѣлимъ нравственное достоинство этого союза.

А. Природа человѣческая раздѣляется въ полахъ на два противоположные вида; но въ сущности своей она остается тождественною. Почему мужчина и женщина:

1. *Имѣютъ одно нравственное назначеніе:* оба въ мірѣ Божіемъ воспитываются подъ руководствомъ Промысла, для нравственнаго совершенства и соответственнаго ему блаженства.

¹⁾ *Примеч. Редакции.* Представленная здѣсь характеристика народовъ есть только легкій, очеркомъ набросанный очеркъ мыслей, приготовленный авторомъ для одной изъ его лекцій. Тѣмъ не менѣе, нѣльзя въ виду представить взглядъ его на племенные и народныя видоизмѣненія духа человѣческаго въ полнотѣ, мы рѣшились напечатать и этотъ необработанный очеркъ его мыслей, въ томъ видѣ, какъ онъ приложенъ самимъ авторомъ къ трактату о племенахъ—въ составленномъ имъ Сборникѣ психологическихъ статей своихъ. Между оставшимися рукописями автора есть впрочемъ другой—обработанный—трактатъ его о различныхъ историческихъ народахъ, гдѣ характеръ и значеніе ихъ обрисованы гораздо съ большею отчетливостію, силою и глубиной мысли. Но этотъ трактатъ, по содержанію своему, относится къ иному ряду мыслей автора, — и именно—къ философіи исторіи.

2. Оба для этой цѣли имѣютъ и *одинакую въ сущности мѣру жизни*, такъ что ни духовными, ни физическими силами мужчина не превосходитъ женщины, и потому оба могутъ имѣть одинакія нравственныя заслуги: различіе только въ томъ, что у мужчины энергія жизни обращена болѣе *во вѣншность*, а у женщины *внутрь*.

3. Оба имѣютъ *одинакое въ сущности природное устройство*, въ которомъ отражаются—съ одной стороны Богъ, а съ другой вселенная, встрѣчаясь между собою въ каждомъ изъ нихъ, какъ первообразъ всякаго полового союза. Почему въ организмѣ душевномъ и тѣлесномъ у нихъ одни и тѣже силы и отправленія, хотя въ одномъ преобладаютъ *дѣятельныя*, въ другой *образовательныя* силы.

4. Оба равно чувствуютъ недостатокъ своего бытія, имѣютъ нужду другъ въ другѣ и *стремятся къ взаимному соединенію*: но первый ищетъ женщины—какъ *опоры*, на которой раскрываетъ свою дѣятельность; послѣдняя желаетъ мужчины—какъ *силы*, которая распространяетъ кругъ ея жизни и дѣятельности во вѣншность.

5. Оба, наконецъ, во взаимномъ союзѣ получаютъ особенный характеръ *людскости* (humanitas), который происходитъ изъ того, что мрачный кругъ эгоизма падшей природы въ этомъ союзѣ разверзается силою любви: только эта людскость въ мужчинѣ обнаруживается преимущественно *снисходительностію*, а въ женщинѣ *покорностію*.

В. Характеристика половъ.

Дабы жизнь могла поддерживать саму себя, Премудрый художникъ міра благоволилъ раздвоить ея силы и противоположить ихъ однѣ другимъ такъ, чтобы однѣ изъ нихъ представляли *возбуждающее начало*, а другія *возбуждаемое*

бытіе. Отсюда, т. н. полярная противоположность, между возбуждающим и возбуждаемым проходить, по всему царству бытія.

Такъ: въ царствѣ бытія вообще: Богъ есть +, вселенная —; во вселенной: міръ духовный +, а физическій —; въ физическомъ мірѣ: силы +, а тѣла —; въ тѣлахъ міровыхъ: солнце +, а планеты —; на нашей планетѣ: земля +, а луна —; въ веществѣ земномъ: кислородъ +, а водородъ —, и проч...

Этому же закону полярной противоположности подчинилъ Богъ и человѣка. Сотворивши его сначала одного, онъ раздѣлилъ потомъ его цѣлое человѣческое существо на двѣ половины или пола — *мужа* и *жену*. Образъ сотворенія жены ведетъ къ мысли, а опытъ подтверждаетъ, что въ составѣ мушцины осталась господствующею частію голова — область разума, а въ составъ женщины преимущественно вошелъ желудокъ — область сердца. Отсюда, духовный организмъ мушцины и женщины по 3 мь способностямъ души: сердцу, уму и волѣ представляетъ слѣдующія разности:

1) По сердцу.

Характеръ сердца есть любовь, которая обнаруживается: а) желаніемъ и б) даваніемъ, относительно къ полу, природѣ и собственному лицу. Въ обоихъ отношеніяхъ мушцина и женщина рѣзко отличаются между собою. *Въ первомъ отношеніи:* мушцина *дѣлательно ищетъ* супружескаго союза, а женщина безмолвно *ожидаетъ* его. Мушцина *домогается* во *внѣшнемъ* мірѣ всего, что утверждаетъ, расширяетъ и возвышаетъ кругъ его существованія, какъ то: имущества, предметовъ дѣятельности, блеска; женщина *желаетъ* того, что относится къ удобству, порядку, довольству и вкусу *домашней жизни*, какъ то: мебели, запасовъ, украшеній и проч. *Мушцина относительно своего лица* стремится къ уваженію, чести, свободѣ, незави-

симости; женщина всего болѣе хочетъ быть предметомъ любви. *Во второмъ отношеніи:* мужчина передаетъ женщину всю силу своей жизни, но не свою самостоятельность; женщина мужчиной — все свое существо. *Изъ себя* мужчина любитъ болѣе высокое, женщина — прекрасное. Въ себѣ самомъ мужчина — силу, женщина — красоту.

2) По уму.

Характеръ ума есть самостоятельность, которая отирается: а) *въ познаніи*, — наука и б) *творчества*, — искусство. Такъ какъ въ душѣ мужчины преобладаетъ разумъ, котораго характеръ — самостоятельность, а въ душѣ женщины сердце, котораго характеръ — восприимчивость: то отсюда умъ мужчины и женщины отличаются слѣдующими чертами. Въ области науки: мужчина хочетъ знать, приводить все въ ясную мысль; женщина — проникать и воображать; почему въ первомъ господствуетъ разсудительность, въ послѣдней — представленіе; въ одномъ — познаніе, въ другой — вѣра; тому свойственна идея, этой чувство; мужчина собственно принадлежитъ изобрѣтательность и ученость, женщина — одна ученость и то рѣдко; въ этомъ случаѣ первому — наука солидная, второй — литература. Въ области искусства: мужчина творить и производить, женщина подражаетъ и образуетъ; первый хочетъ выражать идеи, а другая возбуждать чувства; тотъ любитъ сильное, глубокое и высокое, а эта болѣе пріятное и трогательное. Изъ изящныхъ искусствъ, мужчина принадлежитъ исключительно практическія, женщина чисто изящныя; изъ послѣднихъ мужчина — равно тоническія, пластическія и мимическія, а женщина тоническія и мимическія; изъ нихъ опять мужчина — сложныя, а женщина — простыя. Но вообще и искусство есть принадлежность преимущественно мужчины, а женщина принадлежитъ одно искусство руководяща, въ которомъ нѣтъ главнаго характера изящнаго искусства, идеи.

3) По воли.

Характеръ воли есть свобода, открывающаяся подчиненіемъ нравственному закону въ отношеніи къ Богу, ближнимъ и себѣ самому. Издѣсь главныя отличительныя черты обоихъ, мужчины и женщины: *самодѣятельность и восприимчивость*, запечатлѣваютъ особливимъ характеромъ добродѣтели обоихъ половъ. *Въ отношеніи къ Богу*: мужчина любитъ Бога, женщина боится; мужчина дѣйствуетъ въ упованіи на Промыслъ, женщина терпитъ и молится; мужчина исполняетъ законъ изъ уваженія къ нему, женщина воодушевляется къ исполненію его представленіемъ наградъ и наказаній. Грѣхъ мужчины—невѣріе, омраченіе ума; грѣхъ женщины—обольщеніе, отклоненіе сердца; мужчина холоднѣе въ добрѣ, но за то скорѣе можетъ отвращаться отъ зла, потому что разумъ водится разсужденіемъ, которое всегда болѣе или менѣе колеблется; женщина не скоро падаетъ, но за то съ трудностію встаетъ, потому что въ сердцѣ положены самыя основанія добра—коренныя стремленія духа, и потому съ извращеніемъ ихъ все теряется; характеръ возрожденнаго мужчины—величіе духа,—возрожденной женщины—чистота сердца. *Въ отношеніи къ другимъ*: мужчинѣ привадляетъ справедливость; женщинѣ мягкосердіе; первому—благородство, второй скромность и стыдливость; тому благоразуміе въ рѣчахъ, этой откровенность; мужчинѣ—уваженіе къ правамъ ближняго,—женщинѣ опасеніе нарушить ихъ; мужчина дѣятельно помогаетъ ближнему, женщина сострадаетъ ему; мужчина подвизается для пользы отечества, женщина любитъ его; мужчина учитъ и руководитъ дѣтей, женщина воспитываетъ и хранитъ ихъ. *Въ отношеніи къ себѣ*: мужчина господствуетъ надъ собою, женщина обуздывается чувствомъ приличія; мужчина строгъ, женщина воздержна; мужчина дѣятельно развиваетъ свои силы, женщина болѣе предается естественному ихъ развитію. Герой-

ство добродѣтели принадлежитъ исключительно мужинамъ: впрочемъ христіанская вѣра образуетъ героевъ вѣры и въ женскомъ полѣ.

По развитію этихъ свойствъ, мужчина и женщина имѣютъ различныя назначенія въ жизни семейственной, государственной и общественной.

1) Въ семействѣ мужчины принадлежатъ внѣшнія, разумно-дѣятельныя обязанности: пріобрѣтать, защищать, опредѣлять отношеніе семейства къ обществу; а женщины предназначены внутреннія образовательныя занятія: распорядить, распространять вкусъ, питать чувства. Первую пищу по душѣ и по тѣлу получаютъ дѣти отъ матери; крѣпость же силъ тѣлесныхъ и душевныхъ раскрываетъ въ нихъ отецъ.

2) Въ государствѣ повторяются отношенія семейныя. Женскій полъ составляетъ въ немъ сердце общества; мужескій — разумную волю. Почему сѣмена вѣры, нравственности, вкуса и благопристойности хранятся въ женскомъ полѣ, имъ же и посвящаются; но возвращаетъ ихъ къ плодотворенію мужескій полъ. Если возвращенъ женскій полъ, государство погибло, хотя къ возвращенію онъ идетъ объ руку съ мужескимъ. Вѣрный признакъ паденія есть, когда женщины начинаютъ господствовать, а мужчины рабѣйствовать; примѣромъ сему служатъ: Персія, Римъ, Франція.

3) Человѣческій родъ въ двухъ періодахъ своей исторіи представляетъ два противоположныя явленія. До пришествія въ міръ Искупителя, женщина находится большею частію въ порабощеніи и презрѣніи; по пришествіи Его воспринимаетъ свою честь. Въ первомъ она платила за самовозношеніе Евы униженіемъ, а во второмъ за смиреніе Благодатной Матери челоуѣчества награждена возвышеніемъ. Въ первомъ, за Евою, она болѣе склонна была внимать оболъщенію искупителя, почему и предана въ рабство; во второмъ, скорѣе мужа явилась

внимательною и открытою къ воспріятію евангельскаго благо-вѣстія, почему первыми провозвѣстницами христіанства вездѣ почти были женщины. Падшіи сердцемъ жены чловѣкъ — ея же сердцемъ и востаетъ отъ паденія.

С) *Взаимное отношеніе половъ.*

Въ теченіе земной жизни душа непрестанно ищетъ свое тѣло, дабы упрочить въ немъ свое существованіе, а оно между тѣмъ непрестанно разрушается и приближается къ смерти. Почему душа, какъ бы чувствуя, что ей недолго обитать въ брешномъ тѣлѣ, исходитъ изъ него своими желаніями и входитъ въ личность другаго пола, — ищетъ союза съ нимъ, чтобы родить новое существо, по образу и по подобію своему, и въ немъ увѣковѣчить свое бытіе. Это душевное влеченіе одного пола къ другому называется *любовію* (половою).

а) Это влеченіе любви слагается изъ двухъ актовъ: *однимъ* душа исходитъ своими желаніями изъ своей личности; другимъ входитъ ими въ лице другаго пола. *Исшествіе* души изъ собственнаго тѣла обнаруживается въ животномъ царствѣ тѣмъ, что образовательная сила животного организма, пребывавшая въ немъ главнымъ образомъ внутри, выходитъ наружу и производитъ: въ *черепахъ* теплыхъ странъ — особенные наросты на тѣлѣ, притягивая къ нему черепки другихъ черепахъ; въ *птицахъ* — перья, какъ бы брачное украшеніе; въ *четвероногихъ* — развиваетъ кости, рога, когти, какъ оружіе для защиты предмета любви своей; въ *человѣкъ* — образуетъ черты лица, станъ, голосъ, волоса, какъ знаки крѣпости и мужества для воспріятія на себя новыхъ обязанностей.

Въ тоже самое время душа животная начинаетъ чувствовать въ себѣ какое то безпокойство и вся устремляется желаніями во внѣшній міръ, такъ что забываетъ и сонъ, и пищу и отдохновеніе.

Внѣстнѣ души въ лице другаго пола обнаруживается въ животныхъ не менѣе явственными признаками. Такъ, зныя животныя стараются подражать голосу, тѣлодвиженіямъ и привычкамъ любимаго предмета; другія пребываютъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя часто посѣщаются предметомъ ихъ склонности; нѣкоторыя усвоятъ себѣ вещи, ему принадлежація и т. под. И человѣкъ сказывалъ о себѣ: «я завидовалъ ея существованію, отношеніямъ, ея самымъ мелкимъ событіямъ, вещамъ и пр. Словомъ: я хотѣлъ собственно не любимымъ быть ею, а быть самою ею». Это послѣднее стремленіе разительнѣе представляется въ тѣхъ сумасшедшихъ отъ любви, которыхъ душа какъ бы навсегда оставила свою личность и облеклась личностію любимаго лица.

б) Взаимныя нравственныя отношенія супруговъ въ сущности подобны отношеніямъ между магнетизеромъ и сомнамбулюю, гдѣ послѣдняя совершенно, какъ бы теряя свою личность, видитъ, слышитъ, чувствуетъ себя, — живетъ вся въ первомъ, который одушевленъ съ своей стороны великодушнымъ къ ней самоотверженіемъ и благорасположенностію, или еще выше, — отношенію между Христомъ и Церковію, по которому Христосъ принесъ себя въ жертву за нее, во искупленіе и спасеніе ея, а послѣдняя должна умереть для себя и ожить во Христѣ. *Умрите бо, и животъ вашъ сокроветеъ естъ со Христомъ въ Бозѣ.*

с) Половая любовь бываетъ корнемъ, изъ котораго произрастаютъ другія наклонности, какъ-то: любовь къ дѣтямъ, къ преобладанію, къ приобрѣтенію имущества и пр.

Д) *Нравственно-религіозное достоинство супружескаго союза.*

1) Полы суть противоположности одного человѣческаго существа. Слѣд. только въ супружескомъ союзѣ *человѣкъ*

естественный становится *полнымъ*, истиннымъ *человѣкомъ*: въ немъ каждое лице теряетъ себя, чтобы снова найти себя въ другомъ. Святой союзъ супружества есть идеаль челоуѣка естественнаго.

Но 2) — только естественнаго, а не духовнаго. Ибо для духа есть другой высшій союзъ, союзъ съ Безконечнымъ духомъ-Богомъ; Его одного духъ любитъ всею полнотою любви и въ Немъ одномъ любовь его находитъ себѣ полное и всецѣлое удовлетвореніе — полное блаженство. Вообще можно замѣтить, что только въ низшей области вещества, а не на небѣ имѣетъ мѣсто двойственный союзъ противоположностей. Тяготѣя къ себѣ взаимно, луна и земля обращаются болѣе другъ около друга (въ годъ 13 разъ), нежели около солнца (1 разъ въ годъ), которое даетъ имъ и союзъ взаимнаго притяженія и игру обращенія и жизни; а въ недосязаемой вышинѣ, свѣтила, свободныя отъ узъ взаимнаго притяженія и отторженія, знаютъ одно свое мирное движеніе около своего высшаго средоточія и въ стремленіи только къ нему входятъ въ союзъ между собою: такъ и дѣти земли — челоуѣки во взаимномъ союзѣ любятъ служить другъ другу болѣе, нежели Богу (1 Кор. VII, 32); а сыны небесъ, духи безплотные, не зная счастья любви супружеской, вкушаютъ несравненно высшее блаженство любви къ Богу и въ Немъ чистѣйшею любовію объемяютъ и всю разумную тварь. Почему жизнь духовная, ангелоподобная есть высшій идеаль челоуѣка; отъ него отпалъ челоуѣкъ въ Адамѣ, когда, вмѣсто Бога, возжелалъ видѣть свое подобіе въ женѣ, и къ нему же снова стремится возвратиться: и въ гимнософистахъ, и въ назорейяхъ, и въ христіанскихъ подвижникахъ и въ высреннѣйшихъ мудрецахъ всѣхъ временъ. До Иисуса Христа законъ супружества былъ въ наибольшемъ почтеніи: ибо первый челоуѣкъ былъ въ *душу живу*; а послѣ Христа дѣвство стало почтеннѣе: ибо второй челоуѣкъ есть въ *духъ оживотворяющъ*.

3) Напрасно поэзія возвышаетъ до небесъ половую любовь: философія видитъ основаніе ея въ чувственности;—почему эта любовь, по существу своему земная, всегда скрывается въ себѣ обманъ для тѣхъ, которые ищутъ въ ней неба и прочна только та любовь, которая оживотворяется христіанскою любовію къ Богу и ближнему.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ

Величныя состоянія души.

I.

Сонъ и сновидѣнія.

Можетъ быть кто ввбудь вздумаетъ упрекнуть философію тѣмъ, что она отъ важныхъ предметовъ разумной, бодрственной жизни и дѣятельности обращается къ предметамъ столь несущественной и сомнительной важности, каковыми обыкновенно почитаются сонъ и сновидѣнія. Но замѣтимъ противъ сего, что 1), если человекъ среднимъ числомъ проводитъ во снѣ около 8 часовъ, то дѣлая ¹¹ жизни его проходить во снѣ и сновидѣніяхъ. 2) Что хотя всегда найдется довольно людей, пренебрегающихъ ими, большею частію однакожъ эти ночныя состоянія и дѣйствія души съ непреодолимою силою вторгаются въ сердце большинства людей и невольно обращаютъ на себя ихъ вниманіе; почему вѣра въ нихъ собственно была во всѣ времена и у всѣхъ народовъ; что 3) Самъ Богъ это состояніе души во время сна избиралъ часто для сообщенія своихъ намѣреній избраннымъ отъ Него орудіямъ промысла. Итакъ философія не можетъ не спросить: что это за состояніе души

во время сна, что оно занимает столь важное мѣсто въ жизни человѣка, и въ исторіи человечества, и въ путяхъ самаго Промысла.

Разсматривая состояніе души во время сна, мы I) начертимъ краткое *изображеніе его* и II) представимъ его *изъясненіе*.

1. Характеристика сна.

1) *Характеристическія свойства бодрственнаго состоянія* человѣка суть слѣдующія: а) въ тѣлѣ—орудія *внѣшняго чувствованія* находятся въ дѣятельности и доставляютъ душѣ впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ. Въ душѣ дѣйствуетъ разумъ и обращаетъ эти впечатлѣнія въ понятія, понятія возводятъ къ идеямъ.

б) Въ тѣлѣ органы *произвольнаго движенія* подвластны бывають волѣ; почему человѣкъ по желанію даетъ такое или другое положеніе членамъ тѣла, переноситъ его въ то или другое пространство и обнаруживаетъ власть надъ внѣшними предметами; а въ душѣ въ то же время сознаетъ свои желанія, взвѣшиваетъ ихъ и свободно стремится къ ихъ выполненію.

в) Въ то же время не оцутительно для сознанія и не зависимо отъ воли продолжаетъ свою дѣятельность и *нижшая растительная часть* человѣческаго существа. Въ тѣлѣ желудокъ принимаетъ пищу, разрѣшаетъ, уподобляетъ и сообщаетъ живость и силу орудіямъ чувствованія и движенія; а въ душѣ сердце не перестаетъ принимать мысли и намѣренія, усваивать ихъ себѣ и по временамъ воспламенять разумъ и волю. Но съ продолженіемъ дня эта душевно-тѣлесная дѣятельность ослабѣваетъ въ своемъ напряженіи. Въ тѣлѣ внѣшнія чувства мало-по-малу теряютъ живость и начинаютъ дѣйствовать обманчиво; орудія движенія ослабѣваютъ въ силѣ и склоняются къ покою, то и другое тѣлесное отправление уступаетъ мало-по-малу

господство растительнымъ отправлениямъ тѣла,—желудку. Въ душѣ мышленіе становится зыбкимъ; воля хладѣетъ въ своимъ предпріятіямъ, а вмѣсто того отвергается сердце для тихихъ и пріятныхъ чувствованій; фантазія предается мечтательности и раскрываетъ богатый внутренній міръ образовъ. Наконецъ чувственные органы одни за другими закрываются и чувствованіе прекращается, мышцы оцѣпенѣваютъ и останавливается движеніе; а въ душѣ познавательныя способности и свобода воли погружаются въ бездѣйствіе, и человѣкъ падаетъ подъ власть сна.

2) *Состояніе сна* есть такое состояніе человѣческой природы, когда съ упадкомъ отравленій—въ тѣлѣ чувствованія и движенія, а въ душѣ—разума и воли, господствуютъ только одиѣ тѣлесно-растительныя (въ тѣлѣ) и духовно-растительныя (въ душѣ) отправления.

Отъ постепеннаго преобладанія въ человѣкѣ растительныхъ отравленій надъ дѣятельною частию его существа, происходятъ три различныя степени сна: 1) состояніе *дремоты*; въ которомъ сквозь чувственные органы проникаютъ еще и внѣшнія впечатлѣнія въ душу и отчасти *сознаются* ею, а вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаются еще слѣды и *произвольнаго* движенія членовъ тѣла. Здѣсь дѣятельная жизнь находится въ борьбѣ и равновѣсіи съ растительною. 2) *Состояніе настоящаго сна*, въ которомъ растительная жизнь получаетъ перевѣсъ надъ дѣятельною; и здѣсь внѣшнія впечатлѣнія проходятъ еще въ душу, но уже безсознательно, а движеніе обнаруживается только въ непроизвольной перемѣнѣ положенія; *протяженія членовъ и т. под.* 3) *Состояніе глубокаго, жертваго сна*, въ которомъ вся дѣятельность души и тѣла совершенно погружается въ растительную жизнь. По мѣрѣ того, какъ дѣятельная часть тѣла насыщается жизненною силою, растительныя отправления ослабѣваютъ; потомъ первая снова вступаетъ

въ равновѣсіе съ послѣдними, наконецъ беретъ перевѣсъ надъ ними и человекъ мало-по-малу возвращается въ состояніе бодрствованія. Вместе съ тѣломъ душа сначала какъ бы медлитъ на границѣ сна и бодрствованія, потомъ вступаетъ въ область сна и наконецъ погружается въ совершенное безчувствіе, и потомъ съ обратною постепенностію возвращается къ самосознанію и свободѣ дѣятельности. По мѣрѣ того, какъ упадаютъ силы разума и воли, свободнѣйшій ходъ воспринимаетъ жизнь сердца, усиливается чувство и воображеніе. а) Съ закрытіемъ внѣшняго міра, душа заключается въ одномъ внутреннемъ впечатлѣніи протекшаго дня; углубленныя въ сердце впечатлѣнія протекшаго дня, смѣшиваясь съ новыми, во время засыпанія проникающими въ душу впечатлѣніями, приходятъ въ броженіе. Зыблющееся самосознаніе уже не можетъ вести кормило въ этомъ волнующемся хаосѣ представленій, но еще отличаетъ ихъ отъ себя. Это состояніе бреда (*delirium*). б) Мало-по-малу и это зыбкое самосознаніе угасаетъ и обращается въ простое сознаніе; тогда выступаетъ въ душѣ собственный міръ сна. Не обуздываемое волею, воображеніе свободно облетаетъ и небо и землю, образы величественныя и карикатурныя, различныхъ временъ и мѣстъ, съ неизмѣримою быстротою слѣдуютъ одни за другими, сочетаются между собою по правиламъ, коихъ не знаетъ рассудокъ. Весь этотъ внутренній хаосъ кажется для души міромъ *дѣйствительнымъ*, образъ для ней становится предметомъ, — мысль дѣйствіемъ, желаніе исполненіемъ. Личность человека здѣсь теряется: иногда онъ видитъ себя подъ образомъ животнаго; иногда говоритъ себѣ самому отъ лица другаго; но иногда усиливается и опомнится. Но съ дальнѣйшимъ погруженіемъ дѣятельной жизни въ растительную упадаетъ и эта послѣдняя дѣятельность души, маятникъ душевныхъ движеній и указатель показываетъ уже не время, но вѣчность. Отъ этого состоянія намъ не остается ни-

чего; кромѣ нѣкоторыхъ темныхъ чувствъ, расположеній, наклонностей, особливаго настроенія душевныхъ силъ и т. под. Послѣ этого маятникъ начинаетъ снова свои качанія; снова подымается воздушный рой сновидѣній, дѣятельность души снова расширяется, снова пробуждается самосознаніе и воспринимаетъ господство надъ всѣмъ. Вотъ исторія сна въ отношеніи къ тѣлу и душѣ.

3) *Сновидѣнія*, при всемъ безконечномъ разнообразіи, представляютъ главнымъ образомъ тройное различіе: а) иногда образы соединяются между собою беспорядочно и представляютъ собою смѣсь отдѣльныхъ картинъ, не имѣющихъ связи и смысла. Намъ грезятся или воспоминанія, или предметы страха и надежды, или вещи, оставившія въ насъ сильныя впечатлѣнія, или блага мірскія, или образы грѣха и т. п. Это грезы, о которыхъ говоритъ Сирахъ: *Сіе по сему видѣніе сновъ, премо лицу подобіе лица.* (34, 3). То есть, сновидѣвіе есть не что иное, какъ мечтательное изображеніе, составленное мыслию по какому либо предмету, одно пустое отраженіе, въ противоположность дѣйствительнымъ вещамъ. Таковы большею частію бываютъ сны наши. Какъ въ бодрствованіи, замѣчаетъ одинъ благонамѣренный мыслитель, душа наша на своемъ, такъ называемомъ, разумномъ языкѣ рѣдко бесѣдуетъ о предметахъ, относящихся къ самой существенной ея потребности, вѣчному ея назначенію и судьбѣ; а по большей части судить и рѣдить о мелкихъ своихъ земныхъ нуждахъ и удовольствіяхъ, такъ и на языкѣ сна она большею частію перебираетъ тѣ же ничтожныя предметы суетной жизни, забывая *единое на потребу.*

б) Иногда сердце, по успокоеніи суетныхъ помысловъ ума и тревожныхъ возжеланій и стремленій воли, бросаетъ свой взоръ на судьбу, дѣятельность и жизнь человѣка, и является пророчищемъ, вразумляющимъ, предостерегающимъ или облачающимъ его, смотря по существеннымъ потребностямъ души. Оно вѣщаетъ ему на

землѣ символическомъ, выражая ту или другую мысль и начертаніемъ различныхъ образовъ, которые въ такомъ случаѣ получаютъ каждый совсѣмъ другое значеніе, нежели какое они имѣютъ для бодрствующаго разсудка. Это сновидѣнія, о которыхъ Іовъ говоритъ Эліусу (съ еврейскаго текста): *Во время сна и въ ночныхъ видѣніяхъ, когда объамяешь людей сонъ, когда они спятъ на постели, Богъ открываетъ ухо людей и научившимъ запечатлѣваетъ, для того, чтобы отвести человека отъ дѣлъ худыхъ, чтобы удалить отъ него гордость и чтобы удержать душу отъ могилы* (33, 15. 16. 17). Такіе историческіе замѣчательные сны—изъ еврейской исторіи: бывшіе—Авимелеху, фараону, виночерпію и хлѣбодару его, Навоходоносору, Мардохею, волхвамъ, женѣ Цялатовой; изъ персидской: Астіагу, Крезу, Киру, Камбизу и Артабану; изъ греческой: Агамемнону, Сократу, Алкивіаду, Ксенофонту, Александру Великому; изъ римской: Децію и Манлію—консуламъ, Тракху, Сципіону, Гамилькару, Анибалу, Силлѣ, Сципіону, объ Августѣ врачу его, о Юліѣ Кесарѣ женѣ его, Марку Аврелію; изъ европейской исторіи: Ольгерду Литовскому, Курфирсту Саксонскому, Франклину, Кондильяку, Ломоносову и проч.

в) Наконецъ самъ Богъ восхищаетъ души изъ круга земнаго ихъ бытія и въ перспективѣ божественныхъ образовъ раскрываетъ имъ пути своего промысла относительно своей Церкви, человечества, или какого либо народа. Это сверхъестественныя ночныя видѣнія, о которыхъ Самъ Богъ говоритъ Аарону: *Аще будетъ въ васъ пророкъ, въ видѣніи познаюся ему, и во снѣ возглаголю ему* (Кв. Числь 12, 6). Таковыя пророческія видѣнія были, напр., Даніилу пророку,

II. *Изъясненіе.*

Жизнь является намъ вообще въ двухъ свойствахъ: 1) въ томъ, что вещи пребываютъ, и 2) въ томъ, что онѣ дѣйствуютъ.

Почему въ жизни человѣка и природы должны быть: 1) такія силы, которыми видится и сохраняется *бытіе* вещей, и 2) такія, посредствомъ которыхъ обнаруживается ихъ *дѣятельность*. Поеліку же покой и дѣятельность, а съ ними и силы, сохраняющія и дѣятельныя, противоположны между собою, и въ тоже время предполагаютъ другъ друга; то необходимо преемственное ихъ господство въ царствѣ вселенной. Непрерывная дѣятельность истощала бы силы бытія, а непрерывный покой былъ бы смертью, а не жизнью. Это-то преемственное господство покоя и дѣятельности, силъ образовательныхъ и движущихъ, другъ надъ другомъ и есть перемена ночи и дня, сна и бдѣнія. Ночью видится *существо*, а днемъ оно открывается къ *дѣятельности*.

Во всемъ царствѣ бытія бдѣніе представляется намъ состояніемъ, въ коемъ *внутреннее раскрывается во внѣшнее* и *самостоятельная жизнь господствуетъ надъ общею*. Такъ, напримѣръ, въ природѣ, при сіяніи солнца, расширяется атмосфера, развертываются цвѣты и листья растений; живыя раскрываются по обиталищамъ или сферамъ своей жизни — по землѣ, водѣ и воздуху, и человѣкъ, получая устроение чувствъ и членовъ, выходитъ на дѣло свое и на дѣланіе свое до вечера. Каждая порознь тварь теперь ютъ себя и для себя живетъ, развертываетъ свои способности и силы, господствуетъ. Напротивъ, *сонъ* во всей природѣ является намъ такимъ состояніемъ, когда *силы дѣйствующія снова возвращаются во внутренность* и *когда частная жизнь подчиняется господству всеобщей*. Такъ, напр., атмосфера съ закатомъ солнца сгущается къ поверхности земли, соки деревъ отъ вѣтвей сливаются къ корню, у животныхъ жизнь оставляетъ чувственыя орудія и мышцы и сосредоточивается внутрь; а вмѣстѣ съ тѣмъ и у человѣка душа оставляетъ голову и погружается въ область сердца. Въ это время земля, вмѣсто солнца, подвергается влія-

нію цѣлаго неба звѣздъ, а ея живыя созданія дѣятвію! образовательныхъ силъ землѣ.

Дѣйствіе сна для всѣхъ тварей состоитъ въ томъ, что съ прекращеніемъ внѣшней дѣятельности и подѣ влияніемъ общей жизни, т. е., при первомъ — *отрицательномъ*, а послѣднемъ — *положительномъ* влияніи, растительныя силы поправляютъ органы, уподобляя имъ воспріянутую матерію. Такъ въ неорганической природѣ, съ упадкомъ растворяющей силы свѣта и электричества и съ приращеніемъ живительной силы тяготѣнія и магнетизма, стихіи нашей планеты — воздухъ, вода и земля получаютъ большую связь отъ того, что атмосфера сжимается въ пары, пары снова восполняютъ собою количество воды, вода, проникнувшись воздухомъ, вѣроятно, успѣшнѣе совершаетъ работу внутренняго образованія землѣ и ея ископаемыхъ произведеній. Такъ и въ каждой живой тварѣ, что она дѣятельно произвела отъ себя и приняла въ себя днемъ, то ночью утверждается въ ней и обращается въ ея субстанцію. На снѣхъ основа нійхъ можно изъяснить намъ и состояніе души во время бодрствованія и сна, равно какъ и сновидѣнія ея.

1) *Бодрственное* состояніе души есть такое состояніе ея, когда она существуетъ и дѣйствуетъ сама отъ себя и для себя, т. е., когда она соняетъ себя и свободно располагаетъ собою. Какъ всякая дѣятельность слагается изъ воспріятія и воздѣйствія, такъ и бодрственная дѣятельность души частію воспринимаетъ (познаетъ), частію же воздѣйствуетъ (свободно дѣйствуетъ). Средоточіемъ того и другаго служитъ самосознаніе. Сущность самосознанія есть *мышленіе субъекта о самомъ себѣ*. Почему все, что душа воспринимаетъ въ себя зрѣніемъ, осязаніемъ и проч. чувствами, и все, что она распрываетъ изъ себя движеніями членовъ или рѣчью, должно быть оживлено этою мыслию: я познаю, я дѣйствую. Съ этою мыслию душа воспринимаетъ какъ предметы ею ощущаемые, такъ

и слова слышанныя, отдѣльныя представленія длагаетъ въ понятія, понятія въ идеи. Съ этою мыслию она раскрываетъ внутреннее свое содержаніе, какъ въ дѣлахъ послѣдовательно ею совершаемыхъ, такъ и въ словахъ, связно выражающихъ различныя ея идеи. Кто не мыслить такимъ образомъ въ бодрствованіи, тотъ спитъ съ открытыми глазами, и ходя. Такимъ образомъ вся личность человѣка, всѣ порознь его естественныя чувства и стремленія, тѣлесныя, душевныя и духовныя, словомъ — все его естество во время бодрствованія возвышены до разумности. Бодрствованіе поэтому есть наше нормальное состояніе. Только въ бдѣніи мы собственно люди. Этою мыслительностію и свободою человѣкъ отдѣляетъ отъ себя міръ внѣшній и господствуетъ надъ нимъ; въ слѣдствіе этого отрѣшенія своего лица отъ міра, онъ и воспринимаетъ впечатлѣнія отъ него на столько, на сколько этого хочетъ и дѣйствуетъ на него, когда ему угодно.

2) *Въ состояніи сна*, душа наша напротивъ существуетъ не въ себѣ самой и не для себя. Духовная дѣятельность сознанія, разума и воли въ ней упадаетъ потому, что тѣлесныя органы ея — головной мозгъ и идущіе изъ него чувственные и двигательные нервы не имѣютъ уже въ себѣ болѣе энергіи, лишаются способностей совершать обычныя свои отправления, частію потому, что во время бодрствованія они истощились сами въ себѣ отъ дѣйствія на нихъ духовныхъ силъ разума и воли, а частію потому, что съ захожденіемъ солнца они уже не принимаютъ въ себя болѣе необходимыхъ для ихъ дѣятельности возбужденій свѣта и электричества. Въмѣсто системы головныхъ нервовъ, во время сна, дѣйствуетъ въ тѣлѣ одна только система растительныхъ, желудочныхъ нервовъ, возбужденная и усиливаемая въ своемъ дѣйствованіи дѣйствіемъ магнитныхъ силъ земли, а можетъ быть даже луны и звѣзд. — Вслѣдствіе этого и душа проявляетъ себя во время сна та

кимъ образомъ, какъ позволяютъ и опредѣляютъ ее дѣйствовать подвластные ей теперь тѣлесные органы, т. е. она живетъ теперь только *сердцемъ*. Сердце есть совокупность нашихъ естественныхъ стремленій, — есть влеченіе нашей души къ бытію внѣшнему. По сердцу душа есть не самостоятельное существо, а подчиненное внѣшнему бытію, членъ въ системѣ вселенной. Это отношеніе ея къ внѣшнему бытію также слагается изъ двухъ сторонъ: изъ *воспріятія* и *воздѣйствія*; но воспріятіе души сердечное отнюдь не есть свободное и сознательное, а страдательное и неопредѣленное, т. е. простое *чувство* или *цутье*; равно какъ и воздѣйствіе не разумно — выполняемое въ дѣйствіяхъ хотѣніе, а только одно непосредственное душевное влеченіе, безъотчетное желаніе. Поелику сердце, стремящееся къ предметамъ, и предметы его стремленія находятся въ союзѣ между собою и другъ въ друга проникаютъ, то отсюда образуется въ душѣ симпатическое нѣкое *дально-чувствіе* или *предчувствіе*, нѣрѣдко открывающееся въ душѣ во время сна. Средоточіемъ чувства и желанія служить теперь естественное стремленіе души, или *самозобужденіе* ея. И такъ и въ сонномъ состояніи своемъ душа сохраняетъ тѣ же черты своего образа, тѣ же силы, но только въ другомъ видѣ. Раздѣльное познаніе ставится теперь неопредѣленнымъ ощущеніемъ, свободное хотѣніе безъотчетнымъ влеченіемъ, самознаніе самозобужденіемъ. Теперь разумно-свободная дѣятельность души обращается въ естественно-инстинктивную. Польза сна для души двоякая: 1) Дабы то, что человекъ въ бодрствованіи своемъ духовно позналъ или сдѣлалъ, могло ему усвоиться, надобно, чтобы оно такъ сказать отложилося и окристаллизовалось въ немъ, при посредствѣ образовательныхъ силъ тѣла; ибо тѣло есть орудіе самовоспитанія души; а это и совершается во время сна: вмѣстѣ съ обращеніемъ крови около органическаго сердца въ это время и около духовнаго сердца

обращается непрерывающійся токъ представленій и помысловъ, кои подобно элементамъ крови, то притягиваются имъ къ себѣ, то отталкиваются;—при чемъ притянутое душою посредствомъ растительныхъ отправленій кристаллизуется, такъ сказать, въ духовное тѣло души. 2) Когда вся разумно-свободная дѣятельность души сходитъ къ своему корню—сердцу, то въ коренныхъ его стремленіяхъ, неизмѣнно вѣрныхъ своему направлению, особливо въ основномъ влеченіи сердца къ Безконечному и въ отвѣтномъ на него вѣяніи свыше, всѣ силы души какъ бы осматриваются, становятся въ свой духовный меридіанъ (ориентируются), т. е. исправляются, освѣщаются, оживотворяются. Отсюда-то свѣжесть души по пробужденіи, рѣшеніе недоумѣній и вопросовъ, новыя возбужденія къ добру и проч. Но какъ тѣлесно-растительная дѣятельность желудка совершается не безъ вліянія внѣшнихъ силъ природы, ему споспѣшествующихъ, такъ и образованіе духовнаго существа души совершается не безъ вліяній на него силъ духовныхъ, свѣтлыхъ или темныхъ, смотря потому, каковыя душа болѣе отверста. Отсюда-то молитвы Церкви къ ангелу хранителю о заступленіи отъ навѣятовъ діавола, къ Спасителю—объ осѣненіи Духомъ Святымъ и проч. Эти молитвы тѣмъ важнѣе, что сердце въ состояніи сна страдательно подчиняется вліянію внѣшнихъ духовныхъ силъ.

3) *Сновидѣнія.*—И въ состояніи сна душа стремится удержать свой образъ личности. Ибо ея образъ или существо неподвижны; существо же души есть мышленіе, какъ говорили картезианцы; посему душа не можетъ не мыслить и во снѣ. Но 1) Эта дѣятельность души во время сна становится чисто субъективною и теоретическою, ибо съ закрытіемъ внѣшнихъ чувствъ и бездѣйствіемъ членовъ она не соображается болѣе съ міромъ дѣйствительнымъ и не распространяется на него. 2) Она есть дѣятельность не самосознательная и не свободная, ибо органъ

ея — мозгъ — лишень теперь жизне-дѣятельности, а обнаруживается въ той формѣ, какая опредѣляется господствующимъ теперь желудочнымъ мозгомъ, системою узловъ нервныхъ, т. е. въ формѣ духовво-растительной. 3) Она управляется всецѣло одними непосредственными стремленіями и наклонностями сердца, ибо душа въ состояніи сна, какъ сказано, живетъ сердцемъ; а живя однимъ сердцемъ, она ничѣмъ внѣшнимъ, объективнымъ не связывается, и слѣдуетъ только своимъ внутреннимъ, субъективнымъ желаніямъ.

Изъ сказаннаго легко изъясняются всѣ свойства сновидѣній: а) *мнимая предметность* сновидѣній. — Душа во время сна не возвышается къ мысленію о себѣ самой, потому что связана узами природы; но по этому самому она, производя различныя картины и явленія, не замѣчаетъ, что она же сама есть ихъ художница и приписываетъ имъ независимое отъ нея существованіе въ мірѣ дѣйствительномъ. б) *Хаотическое разнообразіе и теченіе сновидѣній*. Сновидѣнія суть произведенія не свободной дѣятельности, а сочетаются между собою по извѣстнымъ законамъ ассоціаціи идей, механизмъ которой подчиненъ впрочемъ стремленіямъ сердца. Ибо мы замѣчаемъ, что душа наша, стремясь мыслію по какой либо цѣпи идей, какъ скоро заходитъ къ вещамъ безынтереснымъ для нея, останавливается и возвращается назадъ къ вещамъ для нея пріятнымъ или занимательнымъ. Отсюда происходитъ особенное отношеніе сновидѣній къ сердцу. Всѣ образы кружатся около сердца и изъ нихъ оно избираетъ любимые, а отъ прочихъ уклоняется; въ кругѣ этихъ образовъ оно живетъ, какъ въ своей стихіи. Отсюда во снѣ у всякаго свой міръ: корыстолюбивому снятся деньги, сластолюбивому — столы, игроку — игры, разсѣянному — удовольствія. в) *Неимоверная быстрота сновидѣній*. Въ одно мгновеніе ду-

ша облетаетъ во снѣ небо и землю, сочетаваетъ неизмѣримымъ разстояніемъ раздѣленные пространства и времена, развертываетъ и смѣняетъ обширнѣйшія и великолѣпныя панорамы; это потому, что эта земля и небо, эти времена и пространства, этотъ неистощимый матеріалъ ея художественной дѣятельности находится въ ней самой, и суть ея же собственные летучія мысли. Впрочемъ нельзя не видѣть въ этой свободѣ созерцанія и производительности нѣкотораго прообразованія и начатка будущей свободы, которая предназначена душѣ въ вѣчность.

О сновидѣніяхъ должно рѣшить слѣдующіе вопросы:

1) *Чѣмъ отличать состояніе сновидѣній отъ состоянія бодрственнаго сознанія?* Вопросъ которымъ озадачилъ некогда Наполеонъ профессора философіи въ Павіанскомъ университетѣ

Отвѣтъ. Сходство между обоими состояніями есть, но только формальное, поверхностное, именно, — что тому и другому свойственны *представленія*. И въ бодрствованіи мы представляемъ себѣ внѣшній міръ и всѣ свои отношенія, — и во снѣ также. И въ бодрствованіи обращается въ душѣ множество мечтательныхъ, несообразныхъ съ дѣйствительностію, сонныхъ представленій, — и во снѣ бываетъ много представленій, согласныхъ съ дѣйствительностію, бодрственныхъ. Но бодрственное и сонное сознаніе отличаются однакожь между собою довольно рѣзко. Бодрственное сознаніе имѣетъ твердый порядокъ, потому что міръ, къ которому оно обращено, самъ твердо расположенъ, движется въ формахъ пространства и времени, существуетъ и живетъ по неизмѣннымъ законамъ, категоріямъ, и имѣетъ единство. Напротивъ сонное сознаніе хаотично, оно перемѣшиваетъ пространства и времена, нарушаетъ законы, единство обращаетъ въ множественность. Правда, въ сонномъ состояніи душа является какъ бы свободнѣе, ибо не связывается

порядкомъ дѣйствительнаго міра, своевольно располагаетъ всѣми скопившимися въ ней матеріялами представленій; съ быстрой молніи передаетъ цѣлые ихъ ряды, однимъ взоромъ обнимаетъ огромныя пространства и времена, — и это именно въ ней можетъ быть *anticipatio* будущей свободы въ вѣчности, но по крайнѣй мѣрѣ теперь твердый порядокъ дѣйствительнаго міра есть для нея основа, на которой она раскрываетъ свои силы, свою свободную дѣятельность и воспитываетъ себя къ истинной духовной свободѣ будущей жизни.

2) *Изъ чего и какъ образуются сновидѣнія?* Отвѣтъ. Сновидѣніе есть связь и взаимное проникновеніе разумно-бодрственнаго и естественно-соннаго состоянія души подъ вліяніемъ высшаго духовнаго міра. Поэтому содержаніе сновидѣній заимствуется изъ трехъ источниковъ. *Съ одной стороны* бодрственная жизнь отражается въ сонной. Что мы дѣлали, испытывали, особенно о чемъ заботились, то и грезится намъ во снѣ. Эти грезы суть отголоски шума и движенія земной дѣятельности, подобные кругамъ, которые распространяются отъ брошеннаго въ воду камня. Нѣкоторыя новыя впечатлѣнія бодрственныхъ даже и во время сна проникаютъ еще въ душу, и входятъ въ смѣсь грезъ; но уже большею частію видоизмѣняются въ воображеніи. Такъ, напр. прикосновеніе горячаго тѣла къ ногѣ спящаго возбуждаетъ грезы о пожарахъ. *Съ другой стороны* вся естественная жизнь, т. е. все то царство бытія, въ симпатическое сношеніе съ которымъ входитъ душа черезъ тѣло, также отражается въ грезахъ: такъ состояніе здоровья или нездоровья, климатъ, состояніе погоды и проч., — все это дѣйствуетъ на душу, и во время сна отражается въ сновидѣніяхъ.

Отсюда происходитъ въ ней предчувствіе будущихъ естественныхъ событій. Ибо душа во время сна входитъ симпатически въ жизнь природы. Но сверхъ того, когда душа сколько

нибудь привыкла жить духовною жизнью, то отрѣшившись отъ бодрственной дѣятельности настоящаго и связываясь притомъ узами природы, она во снѣ предается своему коренному влеченію къ Безконечному, и тогда-то въ ней происходятъ особыя духовныя ощущенія, видѣнія, сношеніе съ духовнымъ міромъ. Первые сны отголосокъ *прошедшаго*, вторые *будущаго*, третьи *вѣчнаго*.

3) *Нужно ли и какъ изъяснять сны?* а) Если въ сновидѣніяхъ отражается прошедшее и будущее или вѣчное, то изъясненіе ихъ весьма важно. Но весьма трудно было бы подчинить языкъ грезащей души какимъ либо правиламъ. Онъ бываетъ весьма различенъ по лицамъ, поламъ, возрастамъ, темпераментамъ, воспоминаніямъ и безчисленному множеству самыхъ случайныхъ обстоятельствъ. Языкъ сна есть большею частію символическій, въ которомъ мысль представляется въ какомъ либо образѣ. Онъ основывается на соотвѣтствіи міра духовнаго и чувственнаго. Это соотвѣтствіе всегда сохраняется, но душа въ паденіи перемѣшала истинную точку зрѣнія на вещи и влагаетъ въ предметы частію свой субъективный смыслъ. Отсюда происходятъ различныя, такъ сказать, діалекты языка сновъ. Главнѣйшимъ образомъ въ немъ можно различить три варіанты или образа рѣчи.

а) *Образы сновъ находятся иногда въ прямомъ отношеніи къ идеямъ*,—это языкъ *метафорическій*. Такъ, напр., тернистый путь на гору означаетъ трудности; идти по льду—опасность положенія, мракъ—печаль и проч. б) Но иногда—въ *обратномъ отношеніи къ идеямъ*, такъ что высокое для насъ часто представляется во снѣ *подъ образами низкими*, пріятное *подъ образами мучительными*; считаемое полезнымъ—*подъ вредными* и проч. Напр. деньги—*подъ видомъ навоза*; повышеніе—*подъ видомъ паденія*, подарки—*подъ видомъ побоевъ* и проч. И наоборотъ, в) *иногда образы съ идеями находятся въ кажомъ*

то, отдаленномъ, загадочномъ, таинственномъ соотношеніи; не имѣя съ ними ни сходства, ни противоположности. Такъ, напр. страсти представляются подъ видомъ какихъ либо животныхъ, любовь подъ видомъ луча отъ любящаго лица къ любимому, общественное бѣдствіе подъ видомъ землетрясенія, связь съ родиною подъ видомъ пуповины и проч. *Кто черезъ самоиспытаніе дозналъ нечто изъ этихъ паръчій и когда какой языкъ болѣе употребляетъ душа его во снѣ, тотъ можетъ нѣсколько уразумѣвать свои сны, но не чужіе.*

б) Прямое различіе сновидѣній зависитъ отъ прямого нравственнаго состоянія сердца. И именно:

1) Сердце, занятое любовію къ міру, рассматриваетъ вещи только въ отношеніи ихъ къ своему я. Посему сновидѣнія такихъ людей есть только дѣйствіе воспроизводительнаго воображенія, переносящаго и въ совѣ тотъ самый міръ, котормъ живутъ они и въ бдѣніи, и не имѣютъ никакого смысла. Образы ихъ составляются по законамъ ассоціаціи идей, которыя видоизмѣняются здѣсь большимъ или меньшимъ отношеніемъ ихъ къ сердцу. *Отъ нечистаго что будетъ чисто,— говоритъ Сирахъ о сновидѣніяхъ, и отъ ложиваго какъ истина?* т. е. какой чистоты можно ожидать въ созерцаніяхъ сердца, когда сердце помрачено нечистотой, и какой истины, когда вся жизнь сдѣлалась ложью. *Это мрачная ночь въ душѣ.*

2) Сердце, стремящееся къ Богу, постоянно ищетъ свѣта и мира. Но и въ сердцѣ свѣто-и миролюбца развиваются ивогда обольщенія и грѣховныя заблужденія; тогда восходитъ въ сердцѣ его лунный свѣтъ первоначальнаго вѣденія и образы, по внутреннему своему знаменованію, соединяются въ живое слово наученія, предостереженія, утѣшенія и проч. Тогда всякое зло, облегающее для человѣка въ привлекательную наружность, является ему подъ *тучными образами*, все надмѣвающее человѣка подъ *низкими*; *все, въ чемъ думаетъ онъ*

обрѣсти жизнь—является смертію. Здѣсь то сердце покушается отвести человека отъ дѣлъ худыхъ, удалить отъ него гордость, удержать душу его отъ могилы. Эти сновидѣнія суть *луная ночь въ душѣ*.

3) Наконецъ сердце, сдѣлавшееся храмомъ Духа Святаго, самъ Богъ озаряетъ, для великихъ цѣлей своихъ, свѣтомъ во время сна и при помощи его вселенная снова становится зеркаломъ Божества, и всѣ предметы, подѣ влияніемъ Духа Божія, по внутреннему своему знаменованію соединяются для выраженія путей Божественнаго промысла въ наученіе вѣкамъ и народамъ. Эти сновидѣнія суть какъ бы *свѣтлая утренняя заря*, тихій разсвѣтъ приближающагося свѣтлаго дня.

4) *Какіе выводы теоретическіе и нравственные слѣдуютъ изъ ученія о снѣ?* а) Сонъ есть столько же существенный моментъ въ нашей жизни для души и тѣла, какъ и бодрственное состояніе: въ первомъ образуется духовно-тѣлесное существо, во-второмъ оно обнаруживается въ дѣятельности. Посему сонъ и бдѣніе находятся въ такомъ же отношеніи между собою, въ какомъ бытіе и дѣйствіе, одно служитъ основаніемъ другаго; а то и другое основаніемъ вѣчной жизни.

б) Посему не воображай, чтобы твои мысли, поступки и желанія были что либо несущественное, они тоже для души твоей, что пища для тѣла. Все, что ты принималъ твоимъ сердцемъ, войдетъ въ существо твое и пойдетъ съ тобою въ вѣчность.

в) Душа претерпѣваетъ нѣкоторыя измѣненія вмѣстѣ съ тѣломъ, и во время сна тѣлеснаго въ ней открывается иногда вѣденіе, не ограничиваемое пространствомъ и временемъ. Значитъ бытіе души не зависитъ отъ тѣла, а есть безсмертное и самостоятельное.

клетки) Въ сердцѣ живетъ еще вѣденіе, не ограничиваемое пространствомъ и временемъ. Впрочемъ, не должно думать, чтобы нравственное совершенство челоѣка состояло въ подчиненіи разума и воли владычеству сердца. Его вѣденіе и стремленіе бессознательны и невольны; истинное же достоинство челоѣка составляетъ разумное самосознаніе и свободное самоопредѣленіе, кои принадлежатъ разуму и воли.

д) Въ состояніи сна открывается внутренній, потаенный сердца челоѣка. Посему внимай въ сновидѣніяхъ, дабы узнать нравственное свое состояніе. То, чѣмъ душа преимущественно завлечена во снѣ, именно обнаруживаетъ господствующій нравственный ея характеръ.

е) Сердце, проникнутое любовью къ Богу, озаренное внутреннимъ свѣтомъ, въ сновидѣніяхъ даетъ вещамъ нѣрѣдко совсѣмъ другое значеніе, нежели какое находятъ въ нихъ любознательный разсудокъ или чувственность. Значитъ послѣдніе обвиняютъ только внѣшнюю сторону природы. Для любящаго Бога сердце имѣетъ ключъ къ естествознанію внутреннему, которое видать въ природѣ откровенное слово Божіей премудрости.

ж) Во снѣ, при упадкѣ свободы, подъ вліяніемъ духовныхъ силъ совершается духовное плототвореніе. Почему предъ наступленіемъ сна намъ должно быть какъ можно осторожнѣе въ своемъ поведеніи; стараться, какъ можно, настраивать душу свою къ чистымъ мыслямъ, святымъ чувствамъ — усердной молитвой, а тѣло благоустроить — воздержаніемъ.